

005533251

На правах рукописи

ФИЛИМОНОВ Георгий Юрьевич

РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Специальность: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

19 СЕН 2013

Москва - 2013

Работа выполнена на кафедре политологии и политической философии ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Научный консультант:

Проректор по вопросам повышения квалификации и профессиональной переподготовки ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», доктор политических наук, профессор
Мозель Татьяна Николаевна

Официальные оппоненты:

Профессор кафедры сравнительной политологии ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», доктор политических наук
Пономарёва Елена Георгиевна

Проректор по учебной работе ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», доктор исторических наук, профессор
Закаурцева Татьяна Алексеевна

Ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт США и Канады Российской академии наук», доктор политических наук, профессор
Карпович Олег Геннадьевич

Ведущая организация:

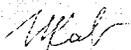
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Защита состоится « 10 » октября 2013 г. в 12.00 на заседании Диссертационного Совета Д 209.001.01 в ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д.53/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2.

Автореферат разослан « 7 » 09 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат исторических наук

И.В.Колосова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На протяжении XX в. инструменты невоенного воздействия прочно закрепились в американском внешнеполитическом арсенале, многократно доказав свою эффективность. Баланс сил, поддерживаемый сверхдержавами в эпоху биполярной конфронтации, и гарантированное взаимное уничтожение стимулировали США сделать ставку на эффективную информационно-пропагандистскую стратегию, привлекательность культуры, образования, политических ценностей, брендов и образа жизни общества массового потребления. История доказала обоснованность таких шагов, отобразив превращение культуры, информации и образовательной политики в могущественное оружие.

Сформулированное гарвардским политологом Джозефом Наем¹ положение об эффективности «мягкой мощи» во внешней политике государств становится особенно актуальным, о чём свидетельствует политика администрации Б. Обамы. При этом сама формулировка «мягкая сила» – собирательный символ, отражающий сугубо американское политическое мировоззрение и подходы США к пониманию специфики невоенных компонентов внешнеполитической мощи государства. Совместно с Р. Кохейном² Най закладывает теоретические основы нелиберального институционализма, констатируя возросшее влияние неправительственных организаций на мировую политику. В рамках этой системы координат движущей силой истории предстают транснациональные промышленные и банковские корпорации, форсирующие, по мнению авторов, взаимозависимость всех стран-участниц международного общения.

Заняв лидирующее положение в мировой информационной магистрали, США превратили внешнеполитическую пропаганду в важнейшее орудие, способное конструировать человеческое сознание практически в любой точке планеты. В широком смысле «мягкая сила» Соединённых Штатов, ориентированная на продвижение американских ценностей и представлений о мироустройстве (индивидуальная свобода, права человека, демократические механизмы, рыночная экономика, правовое государство и гражданское общество), превратилась в деятельный инструмент культурной дипломатии, влияющий на политику и поведение всех стран-участниц международного общения.

Актуальность темы обусловлена теоретической и практической значимостью возрастания роли «мягкой силы» и культурно-

¹ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. - New York, 1990.;

Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. - New York: Public Affairs, 2004.

² Кохейн Р. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М., 1999; Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. - Boston: Little, Brown and Company, 1977.

коммуникационных инструментов воздействия на современную систему международных отношений.

Одно из подтверждений – обновленная Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом России В.В.Путиным 12 февраля 2013 г., где в частности (п. 20) содержится следующий тезис: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом»³.

Исследование этого фактора силы представляется крайне актуальным, т.к. позволяет сформировать интегральное видение «корневой системы» американской внешней политики в эпоху глобализации и перспективы расширения так называемой единой глобальной цивилизации, к которой стремится Запад в нынешних условиях. Это напрямую затрагивает национальные интересы России и вопросы обеспечения ее национальной безопасности в долгосрочной перспективе, в том числе в контексте противодействия реализации зарубежных политтехнологических проектов в русле «бархатных революций» или «арабской весны» на территории России, что придает исследованию дополнительную актуальность.

Автор предлагает собственный подход к пониманию инновационных механизмов реализации глобальных политтехнологий, а также исторических предпосылок их становления и развития. Акцентируется внимание на неофициальных механизмах реализации «мягкой силы» США, которые по сравнению с официальными институтами представляются наиболее эффективными и перспективными.

В силу широты проблематики и ёмкости литературной и источниковой базы исследования категория «мягкая сила» не может быть ограничена только культурологическими составляющими, ранее нашедшими своё отражение в кандидатской диссертации, монографиях и статьях автора. В этой связи в настоящей работе предлагается более широкое и систематизированное исследование.

Актуальность исследования также определяется острой необходимостью детального изучения компонентов «мягкой силы» США и инструментов непрямого управления глобальными процессами (объективно

³ Концепция внешней политики Российской Федерации
http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED8BF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 01.05.2013)

находящимися в основном под контролем Соединенных Штатов) с целью совершенствования российских подходов к формированию «оборонительно-наступательного» потенциала отечественной «мягкой силы» и обеспечения взвешенной политики здорового культурного протекционизма.

Победа в «холодной войне», одержанная в том числе с использованием «мягкого» проникновения, продемонстрировала возрастающую роль непрямых методов информационного воздействия. Будучи крупнейшими производителями информации, США превратились в единственную сверхдержаву, внешнеполитический арсенал которой широко использует «мягкую силу». Причем задействование культурно-коммуникационной мощи было во многом продиктовано изнурительной борьбой с Москвой, во время которой Вашингтон признал недостаточность военного могущества для достижения полноценного лидерства в мировой системе.

Белый дом использует «мягкую силу» для синхронизации усилий Запада, устройство которого все более приобретает трехполюсный характер (Северная Америка, Евросоюз, Азиатско-Тихоокеанский регион), свидетельствующий об отсутствии стабильной модели мироустройства. В связи с этим ключевой задачей «мягкой силы» служит сохранение лидирующего положения американского доллара и его поддержка усиленной внешнеполитической пропагандой и военными базами. Именно дееспособный доллар, превратившийся в основную статью американского экспорта, обеспечивает лидирующее положение США. Так, мы видим четкую взаимосвязь между «мягкой силой» и экономическим могуществом Соединенных Штатов, которое невозможно без перманентных информационных войн и комплексного ребрендинга страны.

Базируясь на публичной дипломатии, экономической и военной помощи, международных образовательных программах и методике бархатных переворотов, «мягкая сила» США превратилась в высокоинтеллектуальную систему манипуляции сознанием, призванную усилить поддержку американских инициатив среди зарубежных аудиторий.

Настоящее исследование рассматривает «мягкую силу» в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих в конечном итоге новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами уступают место сетевым структурам.

Для комплексного анализа функционирования внешнеполитического механизма США в упомянутой сфере работа прослеживает эволюцию официальных и неофициальных механизмов «мягкого» воздействия. Под официальным механизмом подразумевается, прежде всего, государственное регулирование этой сферы внешней политики (например, через структуры Госдепартамента США) и публичной дипломатии. Здесь имеются в виду и негосударственные рычаги управления и финансирования культуры, так как в Соединённых Штатах сфера культуры, например, по большей части

поддерживается и управляется негосударственными инструментами – частными филантропическими фондами и спонсорскими организациями.

Неофициальный механизм реализации «мягкой силы» являет собой скрытые от стороннего наблюдателя каналы осуществления внешней культурной политики, а также методы и средства непрямого управления. В связи с этим рассматриваются «клубные» форматы принятия решений, оказывающие влияние на мировую политику (к примеру, такие как Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и Трёхсторонняя комиссия). Оценивается деятельность Федеральной резервной системы США и её финансовая политика, порождающая экономические кризисы, формирующие новые реалии глобального управления.

На примере событий «арабской весны» описываются инновационные механизмы «мягкого» политехнологического информационного воздействия и управления массовым сознанием через социальные сети и иные электронные «площадки». При этом развивается исследование неофициальной внешней культурной политики на примере голливудского кинематографа, музыкальной индустрии, молодежных субкультур и других элементов массовой культуры.

Степень научной разработанности проблемы. Существует немало содержательных работ отечественных и зарубежных ученых, отдельно исследующих вопросы информационной политики, идеологии и пропаганды США, их внутренней культурной политики, двусторонних культурных контактов США с другими странами. Однако наблюдается отсутствие целостного актуализированного научного осмысления проблемы и академической систематизации компонентов «мягкой силы» на основе комплексного исторического и политологического изучения в контексте динамично меняющихся глобальных реалий и новых вызовов.

При подготовке диссертации были использованы работы ведущих отечественных исследователей, посвященных как общим вопросам истории внешней политики США, так и изучению проблем, исследуемых в диссертации.

Среди академических работ авторитетных российских учёных можно выделить труды таких авторов, как О.А. Алякринский, Г.А. Арбатов, И.Г. Атаманенко, Е.П. Бажанов, Э.Я. Баталов, В. Я. Бегун, Л. Б. Берзин, Н.Н. Болховитинов, А.В. Бурсов, В.В. Ванчугов, С.В. Воронин, Л.Е. Востряков, А.Ф. Горшков, Т. В. Грехова, С.Н. Гриняев, Ю.П. Давыдов, А. В. Долинский, А.Г. Дугин, Э.А. Журихин, Н. Г. Зяблюк, Э. А. Иванян, С.Г. Кара-Мурза, А.В. Костина, С.В. КОРТУНОВ, В.А. Кременюк, А.Е. Кукина, В.В. Луков, С. П. Мамонтов, А. В. Манойло, В.М. Матвеев, В. Р. Мединский, А.Л. Мулярчик, Н.А. Нарочницкая, Э.Л. Нитобург, Р.С. Овинников, Е.Г. Пономарева, И.Б. Пономарева, Г.Г. Почепцов, М.В. Рахимова, С.М. Рогов, В. Г. Сеидов, Г. Ю. Семигин, Н.А. Смирнова, В.В. Согрин, Е. Соловьёв, М. А. Старчак, Ю.В. Тихонравов, М.В. Тлостанова, А. И. Уткин, А. И. Фурсов, В. М. Халилов,

С.А. Цатурян, Н.А. Цветкова, П.А. Цыганков, Т.А. Шаклеина, И. Л. Шейдина, Б. А. Ширяев, Е.А. Шмагин.

Для осмысления теоретических истоков и практической мотивации внешнеполитической идеологии Соединённых Штатов начала XX в. были использованы труды В.И. Ленина⁴. Основатель советского государства резонно обуславливает тактические приемы американского и соперничающего с ним западноевропейского капитализма экономическими интересами, в соответствии с которыми строились без исключения все пропагандистские кампании стран Запада.

Среди исследований, посвящённых вопросам теории и истории внешней политики США в её различных проявлениях, особого внимания заслуживают работы Г.А. Арбатова, Е.П. Бажанова, А.В. Бурсова, В.Н. Гарбузова, В.А. Кременюка, С.М. Рогова, А.И. Уткина, Т.А. Шаклеиной.

Интерес для настоящего исследования составила книга В.Я. Бегуна «Вторжение без оружия» 1977 г.⁵, содержащая первое в отечественной литературе серьёзное осмысление идеологии и внешнеполитической пропаганды США в качестве фактора силы. Описывая не прямые формы политического проникновения, используемые в разные времена Лондоном и Вашингтоном, автор отдаёт предпочтение информации, опосредованно воздействующей на оппонентов в самых отдалённых регионах планеты.

В подготовке параграфа, раскрывающего влияние благотворительных фондов на культурную дипломатию США, автор обратил внимание на работу И.Л. Шейдиной, в которой описывались невоенные факторы силы, используемые Белым домом. Исследователь выделяет роль благотворительных фондов, финансирующих программы содействия США развивающимся странам в области образования, а также оплачивающие пребывание и обучение в Америке студентов из стран «третьего мира»⁶. В схожем ключе рассуждает и другой историк-американист Э. А. Журихин в книге «Филантропические» фонды США в системе власти монополий», раскрывая механизм влияния фондов на социально-политическую и экономическую жизнь целого ряда развивающихся государств. На примере Индонезии автор показывает, каким образом американские неправительственные организации «сформировали политику нового режима»⁷, благоприятную для США после государственного переворота в 1965 г. Обращает на себя внимание работа Э.А. Журихина ««Филантропические» фонды - важное идеологическое оружие империализма», написанная совместно с М.С. Очковым и В.М. Муромцевым⁸, а также книга С. В. Воронина⁹, раскрывающая

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. - М.: Издательство политической литературы, 1967.

⁵ Бегун В.Я. Вторжение без оружия. - М.: Молодая гвардия, 1977.

⁶ Шейдина И. Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. - М.: Наука, 1984.

⁷ Журихин Э. А. «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. - М., 1978.

⁸ Очков М.С., Журихин Э.А., Муромцев В.М. «Филантропические» фонды - важное идеологическое оружие империализма. - М.: Наука, 1976.

⁹ Воронин С. В. «Благотворительные» фонды США. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.

политическую направленность этих институтов. Что касается современной деятельности этих неправительственных учреждений, то здесь целесообразно выделить труд Л.Б. Берзина «Филантропические фонды и спонсорские организации США»¹⁰, оценивающий цели и задачи американского истеблишмента на рубеже XX и XXI веков.

Анализируя роль «мягкой силы» в разработке и осуществлении государственных переворотов, нельзя обойти вниманием курс лекций «Внешняя политика США»¹¹, составленный профессором Санкт-Петербургского университета Б.А. Ширяевым. Ученый представляет интересное видение преломления «мягкой силы» на примере разработки и реализации американских политтехнологий в русле «бархатных» революций, классифицируя подходы американского истеблишмента к использованию «мягкой силы», рассматривая её в качестве одного из наиболее эффективных методов внешней политики США.

Отдельное внимание уделено работам Э.Я. Баталова, в которых рассматриваются вопросы политической культуры США, её история и нынешнее состояние. Интерес в этой связи представляет книга под названием «Русская идея и Американская мечта»¹², анализирующая истоки современной американской идеологии.

Относительно высокой культуры, составляющей наиболее интеллектуальную и сложную для восприятия базу «мягкой силы» США, необходимо выделить книгу Э.А. Иваняна «Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей»¹³. В ней детально рассматривается история американской политической культуры и культурной политики, взаимодействие в области науки и искусства между Москвой и Вашингтоном с момента основания североамериканского государства по наши дни. Что касается международной образовательной политики Америки, концепции так называемого культурного империализма, то здесь целесообразно отметить труд Н.А. Цветковой¹⁴, где успешность подготовки иностранных студентов в США напрямую связывается с геополитическими целями американского государства в Евразии (как правило, в Восточной Европе и на Большом Ближнем Востоке).

Среди работ по отдельным вопросам истории США и российско-американских отношений интерес в рамках настоящего исследования

¹⁰ Берзин Л.Б. Филантропические фонды и спонсорские организации США. – М.: ИСК РАН, 1997.

¹¹ Ширяев Б.А. Внешняя политика США. – СПб., 2007.

¹² Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта. – М.: Институт США и Канады РАН, 2001. – 68 с.

¹³ Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. – М.: Международные отношения, 2007.

¹⁴ Цветкова Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.;

Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сборник статей / Под ред. А.О. Чубарьяна и Б.А. Рубла. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

представляет книга В.В. Согрина «Политическая история США XVI–XX вв.»¹⁵, а также работы В.Р. Мединского из цикла «Мифы о России».¹⁶

В контексте исследования зависимости между экономическими кризисами современности и «мягкой силой» США, подпитывающей интерес миллионов инвесторов к американской финансовой системе, полезным оказался труд российского дипломата Р.С. Овинникова «Уолл-Стрит и внешняя политика», опубликованный ещё в 1980 г.¹⁷ В работе автор раскрывает особенности воздействия корпоративной Америки на внешнюю политику государства через фонды и неправительственные организации.

Весомый вклад в современное научное осмысление этой проблемы внёс сборник «Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека» под редакцией Н.А. Нарочницкой¹⁸. Анализируя движущие силы и рупоры международного капитала, Н.А. Нарочницкая объясняет природу американской внешнеполитической идеологии – глобализма – возросшими интересами транснациональных банковских корпораций, консолидирующих интересы Северной Америки и Западной Европы на протяжении всего XX в.

Применительно к технологическому базису «мягкой силы», теории, средствам и методам информационной войны, используемым Соединёнными Штатами и союзными им странами, интерес представили работы С.Н. Гриняева¹⁹. Автор показывает ход развития приёмов ведения информационной войны: от «информационной борьбы первого поколения», которая рассматривается в контексте классической радиоэлектронной борьбы, до «информационной борьбы третьего поколения», где базовые элементы – операции на основе эффектов. По мнению С.Н. Гриняева, именно операции на основе эффектов служат базой реализации внешней политики развитых государств в информационную эпоху.

В исследовании «мягкой силы» в рамках системы глобального управления, существенным подспорьем стали работы А.И. Фурсова, культивирующего небезытересные и аргументированные авторские концепции по вопросам мирополитических интересов корпоратократии, взаимодействия и противоборства транснациональных элит, отдельных аспектов истории и современности внешней политики США²⁰.

Ценным для настоящего исследования стал биографический труд Е.А. Соловьёва «Ротшильды. Их жизнь и капиталистическая деятельность»²¹, написанный в 1894 г. На удивление современных авторов, работа Соловьёва,

¹⁵ Согрин В.В. Политическая история США XVI–XX вв. – М.: Весь мир, 2001.

¹⁶ Мединский В.Р. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». – 2-е изд. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

¹⁷ Овинников Р. С. Уолл-Стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980.

¹⁸ Нарочницкая Н. А. Американские «аналитические институты» глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. - СПб.: Алетейя, 2008.

¹⁹ Гриняев С. Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. - Мн.: Харвест, 2004.; Гриняев С. Н. Ноополитика - шаг на пути к созданию американской информационной стратегии. <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/noo/>; Гриняев С. Н. Планы Бильдербергского клуба http://www.csef.ru/studies/politics/projects/russia_future/articles/1147/ (дата обращения: 01.05.2013).

²⁰ Фурсов А. Глобальные игроки нового хаосопорядка. .

²¹ Соловьёв Е. Ротшильды. Их жизнь и капиталистическая деятельность. - СПб., 1894.

оценивающая политическое могущество семьи европейских банкиров, содержит ряд уникальных фактов экономической взаимозависимости мира и прогнозов, которые ныне реализуются в рамках деятельности Совета по международным отношениям, Королевского института международных дел, ООН, Бильдербергского клуба и «Группы восьми».

Среди крупных зарубежных специалистов в области истории, теории и практики международных отношений полезными для исследования оказались работы Д. Адамса и А. Голдбард, Дж. Аркиллы и Д. Ронфельдта, Р. Арона, Л. Артура, Ж. Аттали, Д. Белла, Ф. Баргурна, Зб. Бжезинского, Дж. Брауна, Д. Брозена, П. Бьюкенена, И. Валлерстайна, Дж. Гиноу-Хехт, Д. Гуттмана, Ф. Джозефа, У. Дизарда, П. Диксона, Дж. Дракслера, Д. Дрезнера, У. Дюбуа, А. Жанто, О. Жирара, А. Ирие, Н. Гоулд-Дэйвиса, М. Каммингса, Дж. Кеннана, К. Квигли, Г. Киссинджера, Р. Кохейна, Х. Колэна, Р. Кларка и Р. Нэйка, Р. Куисела, У. Линна, У. Липпмана, М. В. Льюсы, Э. Маршалла, С. Микельсона, Ф. Нинковича, М. Нолэн, Д. Нэбитта и П. Эбурдин, М. Олбрайт, К. Осгуда, А. Паддингтона, Дж. Перкинса, Р. Пэлса, Д. Риверы, Дж. Розенау, Д. Рокфеллера, Н. Рокфеллера, Д. Роткопфа, Дж. А. Саблоски, Т. Соренсена, Дж. Стивена, Д. Стиглица, А. Дж. Тойнби, Д. Терка и Д. Рубино, Ф. Х. Файгенбаума, Н. Фергюсона, Н. Хаггера, С. Хантингтона, К. Харви, С. Холи, П. Холлэндера, Н. Хомского, П. Хупера, Дж. Шарпа, А. Шлезингера, О. Шпенглера, Дж. Шульца, Й. Шумпетера, Л. Шупа и У. Минтера, Р. Элдера, Дж. Эллюля, У.Ф. Энгдаля, Р. Эпперсона, Д. Эстулина.

Значительную помощь в понимании истоков американской идеологии и пропаганды оказали наработки К. Маркса и Ф. Энгельса²², представляющие идеологию надстройкой, зависящей от базиса (производственных отношений), который выражает специфические интересы определённого класса, выдаваемые за интересы всего общества через ложное сознание, в частности товарный фетишизм. Учитывая нынешнюю культуру «общества потребления», позиция классического марксизма, озвученная задолго до внедрения модели массового производства, выглядит пророческой. В работе анализируются взгляды и подходы мировой элиты, для которой «мягкая сила» служит транслятором наднациональной идеологии и культуры, в широком смысле – массовой культуры.

Экономическая детерминированность идеологии отчётливо прослеживается и в трудах И. Валлерстайна²³. Его тезисы о теории «свободной торговли», открывающей двери закрытых национальных экономик, пролили свет на происхождение «мягкой силы» и внешнеполитической пропаганды Соединённых Штатов, окрашенной в неолиберальные тона. Учитывая в том числе подходы Валлерстайна, можно

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. — М., 1955. Т. 3, Т. 4 и Т. 23.

²³ Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. New York – London, 1980;

Валлерстайн И. Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или К объяснению истории современности // Полис. 1997. № 2.

заклучить, что современная «мягкая сила» Америки, культивирующая идеи свободной торговли, – непримиримый противник меркантилизма, «устанавливающего высокие импортные пошлины и субсидии национальным производителям», которые, по мнению экономиста, «защищают государства от деградации, связанной со свободной торговлей»²⁴.

Большую роль «мягкой силе» в финансово-экономическом преломлении, отводит в своих работах теоретик «нового мирового порядка» Ж. Аттали²⁵. Он рисует картину будущего в лучших традициях неолиберализма и монетарной теории, обрамляя её мифологическими формулировками: «От Сантьяго до Пекина, от Йоханнесбурга до Москвы все экономические системы будут поклоняться алтарю рынка. Люди повсеместно будут приносить жертвы богам прибыли. Две экономические сферы – конкурирующие друг с другом, отличающиеся нестабильностью, но все более однородные – будут вести борьбу за гегемонию: одна из них – действующая в районе Тихоокеанского бассейна, а вторая – вокруг Европы». Подход Аттали, согласно которому именно транснациональная элита – «посвящённые» – будет удерживать в своих руках мировую власть, формировать сознание будущих поколений с помощью «мягкой силы», частично совпадает с позицией автора диссертации. В фокусе борьбы за власть рассматривается и мировой экономический кризис 2008 г., который, по Аттали, служил инструментом глобального управления, вынуждавшим мировое сообщество усилить наднациональную власть Совета безопасности ООН и Международного валютного фонда.

Более пессимистическую картину будущего для США рисуют американские экономисты Д. Терк и Д. Рубино²⁶, прогнозирующие крах доллара и, как следствие, – американской империи. Критические пассажи книг Д. Стиглица²⁷, Н. Фергюсона²⁸ и Дж. Перкинса²⁹ также указывают на изменения в мировом порядке, происходящие в т.ч. вследствие использования финансово-кредитных инструментов для «приручения» национальных экономик государств-должников. Сетя на нелицеприятные стороны деятельности Международного валютного фонда и некоторых транснациональных банков, вышеперечисленные авторы полагают, что нарастает кризис доверия к США, опосредованно отражающийся на притягательности «мягкой силы».

²⁴ Там же.

²⁵ *Аттали Ж.* Карл Маркс: Мировой дух / Пер. с фр. - М.: Молодая гвардия, 2008;

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / Пер. с англ. - М.: Международные отношения, 1993. ;

Аттали Ж. Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий / . . ;

Аттали Ж. Мировой экономический кризис. А что дальше? – СПб.: Питер, 2009.

²⁶ *Терк Д., Рубино Д.* Крах доллара и как извлечь из него выгоду / Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ. 2006.

²⁷ *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. - М.: Эксмо, 2011; *Stiglitz J.* Globalization and Its Discontents. - N. Y., 2002.

²⁸ *Фергюсон Н.* Восхождение денег / Пер. с англ. - М.: Астрель, 2010.

²⁹ *Perkins J.* Confessions of an Economic Hit Man. - N. Y., 2004.

Важными для исследуемой проблемы явились работы У. Энгдаля³⁰. Описывая экономическую историю капитализма в США, Энгдаль обосновывает применение внешнеполитической пропаганды геозкономическими интересами международного нефтяного картеля – семи крупнейших нефтяных компаний мира – «Exxon», «Royal Dutch Shell», «Texaco», «Chevron», «Mobil», «Gulf Oil» и «British Petroleum». Учёный уделяет большое внимание «мягким» политтехнологиям, которые разрабатывались на протяжении всего XX в. в исследовательских центрах США и Западной Европы. Эти институты – соразработчики и исполнители «цветных» революций на постсоветском пространстве, которые, в свою очередь, создают новые политические реалии по периметру границ России.

Проблематика «мягких» государственных переворотов также находит отражение в работах профессора Гарвардского университета Дж. Шарпа³¹. Книги Шарпа – «От диктатуры к демократии» и «198 методов ненасильственных действий» – позволили понять стратегию и тактику современных государственных переворотов, реализуемых с помощью методов ненасилия и информационных операций. Известность работ Дж. Шарпа в нашей стране связана со следующими действиями политтехнолога: он организовывал и консультировал оппозиционное движение «Саюдис» (Литва), «Отпор» (Сербия), «Кмара» (Грузия), «Пора» (Украина), «КелКел» (Киргизия) и «Зубр» (Белоруссия). Не в последнюю очередь в результате деятельности этих организаций были форсированы сепаратистские устремления Литовской ССР по выходу из состава Советского Союза в 1991 г., свергнуто правительство С. Милошевича в 2000 г., режим Э. Шеварднадзе в 2003 г., утверждена кандидатура В. Ющенко на президентских выборах в 2004 г., свергнуты президенты Киргизии А. Акаев (2005 г.) и К. Бакиев (2010). Опыт и теоретические наработки Дж. Шарпа использовались во время революционных событий в Тунисе, Египте, и Йемене, сопровождаемых вооружённым сопротивлением правительственных сил.

Труды Р. Арона³², Г. Киссинджера³³ и Зб. Бжезинского³⁴ позволили взглянуть на проблему «мягкой силы» с точки зрения школы реализма.

³⁰ *Engdahl W. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order.* - London: Pluto, 2004; *Engdahl W.* -Wiesbaden.: edition.engdahl 2010;

Engdahl W. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. - Boxboro, MA: Third Millennium Press, 2009; *Engdahl W. Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO.* Centre for Research on Globalization Publishing, 2007; *Engdahl W. Wikileaks: a Big Dangerous US Government Con Job.*

³¹ *Sharp G. There Are Realistic Alternatives* <http://www.aeinstein.org/organizations/org/TARA.pdf>;

Sharp G. From Dictatorship to Democracy.

³² *Арон Р. Измерения исторического сознания / Пер. с фр. / Отв. ред. и автор закл. Ст. И. А. Гобозов. М.: книжный дом «Либроком», 2010.*

³³ *Kissinger H. White House Years.* Boston, 1979; *Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997.*

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Пер. с англ. / - М.: Ладомир, 2002.

Киссинджер Г. О Китае. / Пер. с англ. / - М.: Астрель, 2013.

³⁴ *Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era.* - N. Y., 1970., *Brzezinski Z. America in a Hostile World.* - Foreign Policy, 1976.

Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. - М.: «Международные отношения», 2000.

Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. - М.: «Астрель», 2012.

Проводя занимательные исторические параллели США с Афинами, Римской империей и Британией (эпохи наполеоновских войн), видные авторы рассматривают культурную дипломатию в качестве инструмента реализации национальных интересов. Информационные ресурсы государства предстают вспомогательным элементом, не многим уступающим военной силе, возводимой реалистами в культ.

Заслуживают упоминания и работы Дж. Кеннана³⁵, Дж. Шульца³⁶, С. Микельсона³⁷, Р. Элдера³⁸ и К. Осгуда³⁹, изучающие инициативы США в области культурной дипломатии, основные каналы внешнеполитической пропаганды, такие как Информационное агентство США, Агентство международного развития, Радио Свобода и Голос Америки. Дается оценка эффективности американской культурной дипломатии периода «холодной войны», непрямого информационному воздействию на политических оппонентов Вашингтона по ту сторону «железного занавеса».

Отдельно следует выделить исследования Н. Гоулд-Дэйвиса⁴⁰ и Ф. Баргурна⁴¹, демонстрирующие глубокое понимание культурно-коммуникационной политики Советского Союза, идеологические и геополитические устремления СССР на мировой арене. Авторы признают всемирно-историческое значение социалистического эксперимента, его вызов, брошенный американской массовой культуре в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

Биографические труды Т. Соренсена⁴² и А. Шлезингера-мл.⁴³, посвященные президенту Дж. Ф. Кеннеди, описывают его подходы к публичной дипломатии, международным образовательным программам и деятельности Корпуса мира, занятого культурным мессианством в странах третьего мира.

Исследование политики Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии и Института тихоокеанских отношений, определяющую как американскую, так и трансатлантическую повестку дня, широко представлено в работах Л. Шупа и У. Минтера⁴⁴, П. Диксона⁴⁵, Дж. Стивена⁴⁶, Э. Маршалла⁴⁷, С. Холли⁴⁸, П.

³⁵ *Kenman G. International Exchange in the Arts. Perspectives USA*, 1956.

³⁶ *Schultz G. Diplomacy in the Information Age / Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997.*

³⁷ *Mickelson S. America's Other Voice: the Story of Radio Free Europe and Radio Liberty.* - N. Y.: Praeger Publishers, 1983

³⁸ *Elder R. The Information Machine: The United States Information Agency and American Foreign Policy.* - N.Y.: Syracuse University Press, 1968.

³⁹ *Osgood K. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad.* University Press of Kansas. 2006.

⁴⁰ *Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy / Diplomatic History.* Vol. 27, Issue 2, 2003.

⁴¹ *Barghoorn F. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy.* - N. J.: Princeton University Press, 1960.

⁴² *Sorensen T. Kennedy.* - L., 1965.

⁴³ *Schlesinger A. M. Jr. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House.* - L., 1965.

⁴⁴ *Shoup L., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy.* - N.Y.: Authors Choice Press, 2004.

⁴⁵ *Dickson P. Think Tanks.* - N.Y., 1971.

Хупера⁴⁹ и С. Хантингтона⁵⁰. Авторы подчеркивают опосредованное влияние вышеназванных организаций на мировое общественное мнение, их воздействие на механизм принятия политических решений, координирующих действия стран Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии в условиях так называемого «кризиса демократии», пересмотра идеологической парадигмы неолиберализма.

В рамках данной проблематики заслуживает отдельного упоминания автобиографический очерк А. Дж. Тойнби⁵¹, стоявшего у истоков создания британского аналога Совета по международным отношениям – Королевского института международных дел. Будучи директором этой «фабрики мысли» на протяжении многих лет, Тойнби описывает процесс укрепления взаимозависимости англо-американского истеблишмента, обосновывая её наличием общих культурных, экономических и политических задач. По Тойнби, культурная дипломатия Запада и США в частности – продукт урбанизации, упраздняющей традиционные устои государства-нации в угоду Всемирному городу.

Внутреннюю базу для исследования представили работы профессора Джорджтаунского университета и бывшего члена Совета по международным отношениям К. Квигли⁵², в которых освящается определяющая роль неправительственных организаций (Фонд Рокфеллера и Фонд Форда) в аппликации доктрины глобализма по обе стороны Атлантики. Доктор Квигли констатирует существование скрытой надгосударственной «сети», нацеленной на достижение «глобального общества». Квигли отождествляет «сеть» с «международными банкирами» – людьми, которые отличаются от обычных банкиров тем, что придерживаются космополитических убеждений, вхожи в правительства и занимаются в основном вопросами их долгов, то есть они осуществляют финансовый контроль над политическими процессами, сохраняя при этом полную секретность своей деятельности. Книги Н. Хаггера⁵³, Д. Риверы⁵⁴, Дж. Коулмэна⁵⁵, Д. Гуттмана⁵⁶,

⁴⁶ Stephen G. American Hegemony and the Trilateral Commission. N. Y. Cambridge University Press, 1990.

⁴⁷ Marshall A. Bilderberg 2011: The Rockefeller World Order and the High Priests of Globalization // Global Research, June 16, 2011.

⁴⁸ Holly S. Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management. - Boston: South End Press, 1980.

⁴⁹ Hooper P. Remembering the Institute of Pacific Relations: The Memoirs of William L. Holland. Tokyo: Ryukei Shyosha, 1995.

⁵⁰ Huntington S. Transnational Organizations in World Politics. - World Politics, 1973; Huntington S. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // Trilateral Commission. - N.Y.: New York University Press, 1975;

Хантингтон С. Кто мы? - М.: «АСТ», 2004.

⁵¹ Тойнби А. Пережитое. Мои встречи / Пер. с англ. - М.: Айрис-пресс, 2003.

⁵² Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. - N. Y.: Macmillan, 1966;

Quigley C. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. - N. Y.: Books in Focus, 1981.

⁵³ Hagger N. The Syndicate. The Story of the Coming World Government. - W.: O Books, 2004.

⁵⁴ Rivera D. Final Warning - A History of the New World Order. - California: InteliBooks, 1984.

⁵⁵ Коулмэн Дж. Комитет трёхсот. - М.: Витязь, 2011.

⁵⁶ Guttman D., Willner B. The Shadow Government. - N.Y., 1976.

К. Харви⁵⁷ и Д. Эстулина⁵⁸ развивают постулаты К. Квигли о транснациональной элите, подчёркивая её приверженность концепции «нового мирового порядка», продвигаемой под аккомпанемент американских средств массовой информации – медиакратии. Авторы сходятся во мнении о том, что основными заказчиками культурного продукта выступают финансовые династии Европы и США, кредитующие наиболее прибыльные секторы мировой экономики.

С теоретической и практической точек зрения интерес для исследования заявленной в диссертации проблемы представили работы Дэвида Рокфеллера⁵⁹ и его старшего брата Нельсона Рокфеллера⁶⁰. Проповедуя концепцию «нового мирового порядка», члены именитой фамилии заявляют о том, что наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты и международных банкиров, несомненно, предпочтительнее национального самоопределения, практиковавшегося в былые столетия. Тезисы братьев Рокфеллеров, пропитанные интернационализмом, как нельзя лучше соответствуют вильсонинской традиции американской внешней политики, ориентированной на построение более интегрированной глобальной политической и экономической структуры – единого мира, существование которого немислимо без эффективной «мягкой силы», транслирующей повсеместно американские ценности.

Противоположные глобализму идеи высказывают в своих трудах О. Шпенглер⁶¹ и Н.Хомский⁶². Несмотря на то, что становление авторов происходило в разные эпохи, они оба критикуют стандартизирующую культурную глобализацию, активность которой напрямую связывается с экономической и политической мощью американского капитализма, его стремлением сохранить и приумножить идеологическое влияние на мировое общественное мнение.

Труд классика американской политической мысли У. Липпмана⁶³, проливающий свет на методiku формирования общественного мнения, позволил проследить влияние стереотипов на человеческое сознание.

Что касается культурного сегмента внешней политики США и их «мягкой силы», то первое серьезное осмысление этих вопросов появилось в опубликованных в 1964 и 1965 гг. монографиях Ф. Кумбса⁶⁴ и Ч. Френкеля⁶⁵,

⁵⁷ Harvey Ch. John D. Rockefeller, Jr., and the Interchurch World Movement of 1919-1920: A Different Angle on the Ecumenical Movement. Church History, Vol. 51, No 2. (Jun., 1982).

⁵⁸ Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. - М.: Поппури, 2009.

⁵⁹ Rockefeller D. Memoirs. - N.Y.: Random House, 2002.

⁶⁰ Rockefeller N. Federalism and Free World Order. May, 1962 // Godkin Lectures at Harvard University on The Future of Federalism.

⁶¹ Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие / Пер. с нем. С. Е. Вершинина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

⁶² Хомский Н. Прибыль на людях / Пер. с англ. - М.: Праксис, 2002.

⁶³ Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко

⁶⁴ Coombs Ph. H. The Fourth Dimension of Foreign Policy: Education and Cultural Affairs. N.Y. and Evanston: Harper & Row, 1964.

⁶⁵ Frankel Ch. The Neglected Aspect of Foreign Affairs: American Educational and Cultural Policy Abroad. Wash.:

в которых обосновывается необходимость установления и развития международных культурных контактов и осуществляется попытка определить роль и место культуры во внешней политике США.

Важной вехой в изучении культурно-коммуникационного фактора как инструмента внешнеполитического воздействия стали работы известного американского ученого Г. Шиллера, который в 1973 г. издал книгу «Манипуляторы сознанием»⁶⁶, а в 1976 г. опубликовал работу «Массовые средства информации и культурное господство». Исследователь выдвинул понятие «американской империи», рассматривая печать, радио и телевидение в качестве орудия политической и военной экспансии США. Он определил наличие тесной связи между высшими деловыми кругами, военными и правительством с одной стороны, и т.н. «манипуляторами умов» (*mind managers*), т.е. главами ведущих американских СМИ – с другой. Между этими двумя силами, согласно Шиллеру, есть тайная взаимосвязь, базирующаяся на секретном сговоре, целью которого является контроль и манипуляция умами как внутри страны, так и за ее пределами.

С развитием технологического прогресса, подарившего миру единую информационную магистраль, «мягкая сила» США приобретает новые очертания. Результатом этих изменений становится *ноополитика*, вынуждающая американских стратегов из «Рэнд Корпорэйшн» Дж. Аркилли и Д. Ронфельдта⁶⁷ обозначать новые контуры информационной политики США. Отныне силовое противоборство между политическими акторами перемещается в киберпространство, что констатирует советник Белого дома Р.Кларк в совместном труде с Р.Нэйком⁶⁸. Аналогичными соображениями делится на страницах «Foreign Affairs» и высокопоставленный сотрудник администрации США У. Линн⁶⁹.

Дж. Розенау⁷⁰ выявил «необычайно высокую степень взаимозависимости народов и обществ, коренные трансформации в международных отношениях», выраженные в том, что главными действующими лицами становятся не государства, а *частные лица*, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле. Розенау обращает внимание на проблему глобализации, анализируя различия между содержанием этого понятия и смыслом близких ему терминов: глобализм, универсализм, сложная взаимозависимость. По его мнению, глобализация характеризуется, в первую очередь, отсутствием каких-либо территориальных и юридических

Brookings Institution, 1965.

⁶⁶ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. - М.: Мысль, 1980.

⁶⁷ Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND/MR-1033-OSD. 1999.

⁶⁸ Clarke R., Knake R. Cyber War. The Next Threat to National Security and What to Do About It. - N.Y.: HarperCollins, 2010.

⁶⁹ Lynn W. Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // Foreign Affairs, Sept/Oct. 2010.

⁷⁰ Rosenau J. Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum transnational/ 10 Etudes internationales. 1979.

барьеров, обладает способностью с лёгкостью преодолеть любые государственные границы и затронуть любую социальную общность.

Среди значимых для данного исследования работ авторов, изучающих историю внешней культурной политики США, необходимо упомянуть книги Дж. Гиноу-Хехт⁷¹ и Р. Пэлса⁷², которые в своих работах подробно освещают историю внешней культурной политики США, исследуют проблему американского «культурного империализма», его соотношения с глобализационными процессами, в том числе через призму экспорта массовой культуры США. Интересными также представляются исследования сотрудирика Джорджтаунского университета (США) Дж. А. Саблоски⁷³, которая в своем докладе «Новейшие тенденции в работе госдепартамента» анализирует текущее состояние дел в сфере финансирования и государственного управления культурной дипломатией США. М. Каммингс⁷⁴, детально исследуя причины, предпосылки, внутренние и внешние условия, механизмы реализации и результаты внешней культурной политики США во второй половине XX в. и на современном этапе, также приходит к небезынтересным заключениям. Ф. Нинкович в монографии «Информационная политика и культурная дипломатия США»⁷⁵ прослеживает историю внешней культурной политики с начала XIX в. до наших дней, как и упомянутые Дж. Гиноу-Хехт, Р. Пэлс, Дж. А. Саблоски, М. Каммингс и другие исследователи подчеркивает, что в период «холодной войны» культурные программы стали эффективным инструментом противодействия советской пропаганде и акцентирует внимание на том, что культурная дипломатия в настоящее время не менее важна для США, чем во время «холодной войны». Х. Файгенбум⁷⁶ – доктор Университета Дж. Вашингтона (США) – пишет о влиянии глобализации на внешнюю торговлю, культурную дипломатию и внешнюю политику США. Современной «экономике знания» свойственно повышение значимости культурного фактора. Автор приходит к выводу о том, что доминирование в производстве культурных продуктов играет большую роль в повышении конкурентоспособности американской экономики на мировом рынке.

Объектом исследования служит система методов и средств реализации политики «мягкой силы» как самостоятельного направления внешней политики США.

⁷¹ *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War- A Critical Review, Diplomatic History, Vol. 24, № 3 (Summer 2000); *Gienow-Hecht J.* A European considers the influence of American culture www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/gienowhecht

⁷² *Pells R.* «Is American culture “American”?» www.usinfo.state.gov/journals/itgic/0206/ijge/pells; *Pells R.* Not Like Us: How Europeans Have Loved, Hated, and Transformed American Culture since World War II, N.Y., L., 1997

⁷³ *Sablowsky J.* «Recent trends in Department of State support for cultural diplomacy: 1993-2002».

⁷⁴ *Cummings M.* Cultural Diplomacy and the United States Government : A Survey (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003)

⁷⁵ *Ninkovich F., Hoepfli-Phalon N.* U.S. Information Policy and Cultural Diplomacy, N.Y., Foreign Policy Association, 1996.

⁷⁶ *Feigenbaum H.B.* Globalization and Cultural Diplomacy, Washington DC: Center for Arts and Culture, 2001.

Предмет исследования – роль и место культурно-информационных инструментов и иных компонентов «мягкой силы» во внешней политике США, исследуемых с точки зрения официального правительственного инструментария и неофициальных каналов.

Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы комплексно изучить специфику функционирования системы, именуемой потенциалом «мягкой силы» во внешней политике США.

Постановка упомянутой цели диктует необходимость решения следующих задач:

- анализ роли компонентов «мягкой силы» США в системе их национальных интересов;
- раскрытие ключевых аспектов внешней культурно-информационной политики США и анализ истории ее формирования;
- выявление базовых принципов и структуры функционирования официального и неофициального механизмов реализации потенциала «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале США;
- определение роли и места неформальных институтов глобального управления как инструмента политики «мягкой силы» США на международной арене;
- проведение анализа поэтапного оформления подходов представителей американского истеблишмента и академического сообщества к вопросу о путях эффективного использования несилового инструментария для реализации внешнеполитических задач США;
- разработка концептуальных и практических предложений для выработки российской стратегии обеспечения эффективных форм внешнеполитической деятельности в данной сфере (с учетом исторического опыта использования потенциала «мягкой силы» СССР/Россией и США).

Основная гипотеза исследования. На фоне того, что к началу XXI в. США исчерпали потенциал глобального военного доминирования (примеры – результаты военных кампаний в Афганистане и Ираке) американское руководство делает акцент на формировании новых высокоинтеллектуальных стандартов управления, в том числе внешней политикой. Рождаются высокотехнологичные системы знания, которые являются одним из основных аспектов «мягкой силы» США, превращая её в высокоинтеллектуальную систему манипулирования сознанием, призванную усилить поддержку американских инициатив среди зарубежных аудиторий.

При этом можно предположить, что «мягкая сила» – это сложнейшая многоуровневая система, которая позволяет США решать тактические и стратегические задачи на международной арене, проявляясь в официальном и неофициальном направлениях. Данная система воздействует на аудиторию реципиентов, реализуя как национальные интересы американского государства, так и интересы глобальных элит (корпоратократии), где доминируют представители деловых и политических кругов США.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования определяются характером объекта и предмета изучения, страновой спецификой формирования многоуровневой системы методов и средств реализации политики «мягкой силы» США; а также сложностью, многоплановостью и недостаточной изученностью проблемы.

Теоретический базис диссертации составили работы представителей системного подхода – Г. Алмонда, Л. фон Бергаланфи, С. Вербы, Д. Истопа, Г. Лассуэлла, Ч. Мерриам, Т. Парсонса; институционального и неинституционального направлений – М. Вебера, Дж. Гелбрейта, М. Дюверже, С.М. Липсета, Дж. Марча, К. Поланьи, Дж. Олсена; конструктивистского подхода – Ст. Буккера, А. Вендта, Д. Десслера, Д. Грина, Ст. Гуззини, А. Линдера, С. Льюкса, Д. Маттерна, К. Сиккинга, М. Финнемора и др.

Большое значение для написания диссертации имели труды Е. Вятра, Э. Гидденса, А. Голуднера, А. Грамши, Р. Даля, Л. Даймонда, Х. Линца, Дж. Ная, А. Пшеворского, Г. Торо и др. Из представителей отечественной исторической и политологической школ принципиальное значение для исследования имели работы Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, Т.В. Зоной, Т.А. Шаклеиной и др. Для максимально полного и объективного исследования процессов формирования многоуровневой системы методов и средств реализации политики «мягкой силы» США в работе использовались: системный, институциональный, неинституциональный и конструктивистский подходы, а также методы конкретно-исторического анализа.

Системный подход позволил исследовать роль и значение инструментов «мягкой силы» во внешней политике США посредством основных свойств и функций системы, «погруженной в среду». Раскрытие целостности изучаемого предмета, всей сложности его совокупных частей, многообразных типов связей внутри него и вовне невозможно без методологической специфики системного подхода. Данное утверждение особенно актуально в связи с процессами глобализации, которые усиливают роль и значение мягкосиловых компонентов внешней политики США.

В рамках институционального и неинституционального подходов изучены роль институтов (формальных и неформальных) и лидеров в процессе выработки и реализации мягкосиловых компонентов внешней политики США. Если институциональный подход важен для исследования процесса принятия политических решений конкретными институтами государственной власти, то неинституционализм позволяет выявить, что представляют собой конкретные институты и, прежде всего, государство, как относительно долговечные нормативные образцы социальных связей, посредством которых решаются те или иные политические задачи. Данный подход важен для реализации исследовательского замысла еще и потому, что под институтом неинституционалисты понимают не только учреждения, но и определенную систему норм и правил общения долгосрочного характера,

регулирующую поведение людей в конкретной сфере. Представители неинституционального подхода акцентируют внимание на таких негосударственных образованиях, как группы давления, корпорации, клиентелы, оказывающие все большее влияние на принятие политических решений в условиях глобализации, что имеет несомненный интерес для данного исследования.

Конструктивистский подход занимает особое место в работе. Он позволяет исследовать многие явления в качестве конструктов, возникающих в процессе социального действия, а само действие не как индивидуальный акт, а как «интерсубъективную» структуру, то есть систему взаимодействий людей, интересы и цели которых также рассматриваются как социальные конструкты⁷⁷. Кроме того, этот подход ориентируется не на обобщающую стратегию причинности, а на партикулярную стратегию исследования, где задачей является изучение конкретных идей и действий, т.е. этот подход ориентирован на «точную историческую реконструкцию»⁷⁸, на поиск «малых истин» и объяснение, «почему политический мир является таким, а не другим...»⁷⁹.

Таким образом, теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составил комплекс теорий, научных методов и подходов, который позволил выстроить многоуровневую систему анализа формирования и функционирования инструментов «мягкой силы» во внешнеполитическом механизме США.

Теоретически значимым для работы явились принципы и научные подходы теории управления, теории систем. Комплексный и междисциплинарный характер изучаемой проблемы обусловил использование методов сравнительно-исторического, структурно-функционального и институционально-сетевого анализа, политологической компаративистики. Кроме того, при подготовке диссертации использовались базовые научные принципы: объективности, историзма, системности и развития. Особое значение для выстраивания структуры диссертации имели институциональный и системный методы.

Данная методология подразумевает комплексный анализ официального и неофициального направлений реализации фактора «мягкой силы» во внешней политике США, обеспечивает возможность проследить наличие взаимосвязи и отличий между ними, изучить процесс их развития, выявить качественные изменения в тесной связи с конкретными историческими условиями. Значимой методологической основой работы явилось применение исторического и сравнительного подходов.

⁷⁷ Сморгунюв Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? – URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/1/9.htm>.

⁷⁸ Dessler D. Constructivism within a Positivist Social Science // Review of International Studies. – 1999. – Vol. 25. – № 1. – P. 129.

⁷⁹ Finnemore M., Sikkink K. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science. – 2001. – № 4. – P. 394.

В диссертационной работе также использованы терминология и научный аппарат, свойственный другим методологическим подходам, что нацелено, тем не менее, на всестороннее предупреждение логических и иных противоречий в анализе и выводах научного поиска.

Эмпирической базой исследования явились публичные аналитические материалы и доклады, разработанные американскими и европейскими научными центрами, такими как Совет по международным отношениям (США), Королевский институт международных дел (Великобритания), Корпорация РЭНД (США), Институт им. Айн Рэнд (США), Центр изучения искусства и культуры (США), Гарвардский университет (США), Стэнфордский университет (США), Принстонский университет (США), Институт Альберта Эйнштейна (США), Фонд Карнеги за международный мир (США), Академия и Институт культурной дипломатии (ФРГ), Фонд исторической перспективы (Россия), Консультативный комитет по вопросам культурой дипломатии госдепартамента США.

Кроме того, исследование опирается на американские и российские нормативно-правовые акты, касающиеся гуманитарного сотрудничества, культурной и информационной политики, а также выступления государственных, политических и общественных деятелей из России, США и других государств по вопросам, связанным с поднимаемыми в исследовании проблемами.

Научная новизна. Впервые в отечественной науке дается комплексное и максимально полное понятие «мягкой силы» как одного из важнейших факторов внешнеполитической деятельности США.

В работе предпринята попытка комплексного анализа процесса формирования потенциала «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале США и поэтапного оформления подходов представителей американского истеблишмента и академического сообщества к вопросу о путях эффективного использования этого сегмента для реализации внешнеполитических задач США.

Проведено комплексное исследование истории формирования компонентов обобщенной и очень содержательной категории «мягкая сила» США. Кроме того, впервые на докторском диссертационном уровне предлагается структурное рассмотрение механизма реализации политики «мягкой силы» как метода непрямого управления в двух плоскостях: на официальном и неофициальном уровнях в контексте осуществления экспорта американской культуры, глобальных социально-политических, экономических процессов и функционирования системы международных отношений в целом.

Автор рассматривает историю экспорта и распространения массовой культуры США в качестве политического инструмента, анализирует роль американского (транснационального) капитала в формировании и функционировании механизмов управления внешней политикой США и

глобальной повесткой дня, в том числе посредством управляемых финансово-экономических кризисов, а также место и роль филантропических и иных фондов в этом процессе.

Научная новизна исследования заключается также в системном анализе сложного и противоречивого процесса истории становления и развития факторов непрямого управления как методов внешней политики США. Кроме того, впервые проводится сравнительный анализ использования инструментов «мягкой силы» СССР/Россией и США.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. К началу XXI в. США исчерпали потенциал глобального военного доминирования (примеры – результаты военных кампаний в Афганистане и Ираке). На этом фоне американское руководство делает акцент на формировании новых высокоинтеллектуальных стандартов управления, в том числе внешней политикой. Рождаются высокотехнологичные системы знания, которые являются одним из основных аспектов «мягкой силы» США, превращая её в высокоинтеллектуальную систему манипуляции сознанием, призванную усилить поддержку американских инициатив среди зарубежных аудиторий.

Политика «мягкой силы» – сложная многоуровневая система, которая позволяет США решать тактические и стратегические задачи на международной арене. Это один из важнейших факторов современной внешней политики США и реализации их национальных интересов. Данная система воздействует на аудиторию реципиентов, реализуя как национальные интересы американского государства, так и интересы глобальных элит (корпоратократии), где доминируют представители деловых и политических кругов США.

2. Культурный, информационный и образовательный факторы – ключевые аспекты содержательной категории «мягкая сила», комплексно сочетающей культурные инструменты с информационно-пропагандистскими, образовательными, политтехнологическими и другими средствами непрямого управления как внешней политикой США, так и глобальными процессами.

3. Механизм реализации политики «мягкой силы» целесообразно классифицировать, выделяя официальный и неофициальный уровни. Ключевыми направлениями официальной политики Вашингтона в этой сфере являются: публичная дипломатия, внешняя культурная политика, культурная дипломатия.

Наиболее значимые средства реализации неофициального аспекта внешней культурно-информационной политики США – голливудский кинематограф, СМИ, прежде всего телевидение, музыкальная индустрия, молодежные субкультуры, «питающие» массовую культуру. Зачастую незаслуженно игнорируемое воздействие на уровне массовой культуры

гораздо более эффективно, нежели рычаги официального политического или экономического влияния.

4. Основные глобальные акторы – не государства, а устойчивые сетевые структуры (одно из главных исключений – КНР). С точки зрения анализа ключевых решений, принимавшихся Соединенными Штатами во второй половине XX в., продиктованных, прежде всего, финансовыми и экономическими (сырьевыми) устремлениями англо-американского капитала, имеются основания рассматривать США не как национальное государство, а в качестве кластера – зоны деятельности ТНК и финансово-информационных структур. Основные западные согласовательные механизмы глобального управления – Совет по международным отношениям (США) и Королевский институт международных дел (Великобритания), сыгравшие значительную роль в осмыслении развитии и трансатлантических связей.

5. Возросшая роль информации в жизни современного человека форсирует создание глобального сетевого общества, оторванного от традиций и национальных культур. Речь идёт о новом инструменте социальной инженерии, создающем неведомые ранее модели принятия решений. Инновационные механизмы непрямого политтехнологического управления как компонента «мягкой силы» США создают возможности для организации государственных переворотов дистанционно, посредством передачи информации, через социальные сети и интернет-блоги. Формируя посредством этих каналов либерально-демократическую культурную среду, американские социальные сети и СМИ открывают путь к смене неугодных режимов в невиданных ранее масштабах. По сути изменяется не только методика государственного переворота, но и модель глобального управления, приобретающая косвенный, более гибкий и согласованный с другими участниками международного общения характер.

6. Финансово-экономические факторы глобального управления, используемые транснациональными банками и монетарными властями США (ФРС), основываются на культурно-коммуникационном лидерстве Америки. При этом, вопреки классификации Дж.Найя, представляется целесообразным отнести финансово-экономические инструменты управления глобальными процессами к атрибуту «мягкой силы».

Управление глобальными процессами при помощи финансовых и экономических инструментов невозможно без информационного, в более широком смысле – культурного сопровождения. «Мягкие» инструменты оказывают внешнее коммуникационное влияние для амортизации негативного международного резонанса, вызванного чередой экономических кризисов, зародившихся в экономике США.

Институт фондов – финансовый фундамент «мягкой силы» США, обеспечивающий основные материальные ресурсы для проведения внешней культурно-информационной политики. Кроме того, фонды стали одним из важнейших политико-экономических рычагов работы глобальной элиты на

территории США. Это база разветвленной сети научно-образовательных учреждений и исследовательских центров (особенно в сфере изучения международных отношений), обеспечивающих условия для определения долгосрочного внешнеполитического курса США. Фонды явились локомотивами продвижения идеологии «глобализма».

7. Национальные интересы России требуют эффективных усилий в сфере формирования оборонно-наступательных потенциалов «мягкой силы». Речь идёт не о тактических мерах, а о стратегии сохранения и укрепления государственного суверенитета, территориальной целостности России, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем и возможности для ведения государством активной внешней политики, наращивания потенциалов «мягкой силы» и восстановления комплексного культурно-информационного преобладания Российской Федерации на постсоветском пространстве. В этой связи представляется необходимым подготовить и принять в качестве официального документа концепцию национальной культурной безопасности России.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке самостоятельного направления в теории и практике международных отношений, в приращении нового знания в сфере культурно-информационных инструментов реализации внешнеполитических задач государства.

Практическая значимость. На основе осмысления и систематизации аналитического материала по истории формирования арсеналов «мягкой силы» внешней политики США и роли этих инструментов в российско-американских отношениях предлагаются практические рекомендации по разработке стратегии национальной культурной безопасности России, призванные обеспечить условия для формирования отечественных потенциалов «мягкой силы» и модернизировать этот аспект внешнеполитической деятельности российского государства.

Практическая направленность исследования также определяется тем, что содержащийся в нем фактический материал, суждения и выводы могут быть использованы в дальнейших научных разработках, посвященных механизмам «мягкого» воздействия внешней политики Соединенных Штатов Америки, методам и средствам обеспечения государствами соответствующих протекционистских мер.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе в высших учебных заведениях, в частности, при разработке пособий и лекционных курсов по истории и современности внешней политики США. Выводы, содержащиеся в диссертации, могут найти применение в качестве практических рекомендаций для внешнеполитического ведомства России и других стран, формирующих собственную внешнюю культурную и информационную политику. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны с точки зрения формирования стратегии национальной

культурной безопасности России, а также планирования и осуществления взаимодействия с США в информационной сфере.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования отражены в монографиях, статьях автора, а также апробированы в рамках преподавания спецкурсов «Фактор «мягкой силы» во внешней политике США и современных международных отношениях» и «Дипломатия США» в Российском университете дружбы народов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, сформулированы цели и задачи диссертационной работы, определена ее практическая значимость и научная новизна, освещены методологические принципы и терминологический фундамент исследования, дана оценка степени изученности темы, определены хронологические рамки работы.

Первая глава – «История формирования теоретических основ и механизма реализации «мягкой силы» во внешней политике США» посвящена теоретическим истокам и терминологическому аппарату исследования, проведен исторический обзор эволюции содержательного наполнения и трактовки понятия «национальный интерес», рассмотрены роль и место факторов из арсенала «мягкой силы» США в системе их национальных интересов. Кроме того, автор выделяет внешнюю культурную политику как одно из магистральных направлений реализации американской политики «мягкой силы», анализирует историю формирования внешней культурной политики США как компонента их «мягкой силы».

Первый параграф главы посвящен анализу эволюции методов невоенного воздействия как форм не прямой реализации «национального интереса», где анализируется изменение содержательного наполнения и трактовки понятия «национальный интерес» в ходе исторического процесса в привязке к современному пониманию фактора «мягкой силы» как системы инструментов для обеспечения внешнеполитических задач государства.

Осмысление «национального интереса», понимаемого с XVII по середину XIX вв. в качестве объективно значимой системы целей и задач национального государства как целого, с отличными ценностями, происходило одновременно с ростом взаимозависимости между субъектами международных отношений. Рассматривая «национальный интерес» в фокусе изменений мирополитической системы, важно подчеркнуть: начиная с самых ранних форм организации (семья и племя), различные общества стремились к объединению в большие пространства, принимая доминирующую в них культурную матрицу.

По сравнению с нашим временем, когда теория «свободной торговли» превратилась в мощнейшую опору неолиберализма и «мягкой силы»,

«национальный интерес» основывался на меркантилизме, «воспеваемом в трактатах XVI – XVIII вв., обосновывавших необходимость активного вмешательства государства в хозяйственную деятельность, в основном в форме протекционизма – установления высоких импортных пошлин, субсидий национальным производителям и т.д.»⁸⁰. Именно благодаря этим принципам, введённым первоначально в Англии (1690-е гг.) и просуществовавшим «весь период от Тридцатилетней войны и вплоть до конца эпохи Наполеона во всей центральной Европе» для защиты государств «от деградации, связанной с режимом свободной торговли»⁸¹, гарантировался суверенитет большинства национальных правительств и традиционных обществ.

Рождение и эволюция двух феноменов – мировой рынок (сформированный под лозунгами «свободной торговли») и внешняя культурная политика – происходили синхронно; успех «свободной торговли», провозглашенной англичанами, тесно увязывался с информационным сопровождением товаров и услуг. Таким образом, пропаганда, расширившая зону своего действия из-за технологических новаций, пополняет внешнеполитический арсенал ведущих держав мира, превратив информацию в могущественное оружие.

На этом фоне нельзя игнорировать произошедшую естественную эволюцию взглядов американских теоретиков и практиков внешнеполитического планирования относительно системы взглядов, именуемой национальным интересом: в отличие от европейцев, ратовавших за суверенные права государств, идеологи *Pax Americana* делали ставку на принцип правосубъектности народов, их право участия в мировой политике.

Промышленные круги США, стремившиеся проникнуть в колониальные владения французов и англичан, начали борьбу с их информационными картелями (соперничество американского агентства «*Ассошиейтед пресс*» с британским «*Рейтер*» и французской информационной службой «*Гавас*»).

Начало американской идеологической экспансии непосредственно связано с президентом Вудро Вильсоном, предложившим создать новый миропорядок после Первой мировой войны. Декларируемая Вильсоном идея Лиги наций, основанная на равноправии народов, возымела должное идеологическое действие в бывших колониальных странах, закамуфлировав главные внешнеполитические задачи США того периода (проникновение американского крупного бизнеса в сырьевую кладовую Ближнего и Среднего Востока; ослабление морской мощи Британской империи и предотвращение надвигающегося военно-политического лидерства Германии в Европе).

Со второй половины XX в. базовой теорией, связывающей национальные интересы США с «мягкой силой», становится *доктрина*

⁸⁰ *Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. New York – London, 1980. P. 233, 266.*

⁸¹ *Ibidem.*

свободной информации, продвигавшаяся Дж. Ф. Даллесом. Основываясь на этой доктрине, американская школа геополитики рассматривает антагонистические идеологии на «шахматной доске народов» как экстерриториальные, обладающие способностью свободно преодолевать границы между странами и группами стран.

Начиная с середины 1960-х гг., на фоне революционных изменений в культурно-коммуникационной сфере, американские интеллектуалы подчёркивают структурные изменения в историческом развитии человечества. Так, Дж. Розенау констатирует «необычайно высокую степень взаимозависимости народов и обществ, коренные трансформации в международных отношениях», выраженные в том, что «главными действующими лицами становятся не государства, а частные лица вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле»⁸².

В 1977 г. выходит совместная книга Дж. Ная и Р. Кохейна – *«Власть и взаимозависимость» (Power and Interdependence)*, заложившая теоретическую основу *неолиберального институционализма*. Ключевым понятием новой концепции становится *«комплексная» взаимозависимость* (заменяющая идею реалистов о коллективной безопасности), состоящая в экономическом взаимопроникновении в смысле международной торговли и перетока капиталов (под влиянием интернационализации мировой экономики). В противовес сторонникам *«realpolitik»*, ставящим в основу своей системы национальное государство, неолибералы уравнивают l'État с международными организациями, церквями, неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, революционными движениями и др.

Теоретики признают, что разнообразные сложные связи и взаимозависимость между государствами и обществами растут, в то время как фактор военной силы во властном балансе большинства стран снижается, уступая место культурной дипломатии; подчёркивается, что этот инструмент будет только укреплять сотрудничество между народами, снижая вероятность крупномасштабных военных столкновений в будущем.

Начало XXI века лишь подтвердило практическую значимость этой концепции: основываясь на принципах неолиберального институционализма, Соединённые Штаты, выступают за глобализацию в области политики, культуры, экономики, финансов и информации, что, как следствие, существенно ограничивает роль суверенного государства, превращая большинство политических элит мира в послушных исполнителей воли «лидера прогресса».

Стремление укрепить доминирование Вашингтона в мировой системе путём планетарного распространения американской культуры обогатило

⁸² *Rosenau J. Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum transnational/ 10 Etudes internationales. 1979.*

неолиберальную идеологию понятием «мягкой силы». Ключевым компонентом культурной политики Вашингтона становится массовая культура (отождествляемая большинством специалистов с понятием «американская культура»), успешность которой объясняется стремительным развитием высоких технологий, благодаря чему американская поп-культура транслируется на весь мир, становясь эффективным политическим и идеологическим инструментом.

В современных международных отношениях «мягкая сила» представляет собой не только пропаганду, она скорее уникальный исторический феномен, подчеркивающий тот факт, что государство-центричная вертикальная модель управления мировым порядком постепенно отходит на второй план, передавая «пальму первенства» различным сетевым структурам, обладающим средствами убеждения планетарного масштаба.

Формируется новая отрасль в политологии – «ноополитика», представляющая собой форму политического руководства, необходимую для взаимодействия с ноосферой, самым широким информационным пространством сознания, в котором объединены киберпространство (или «сеть») и инфосфера (*киберпространство плюс СМИ*); по сути, это метод реализации внешней политики в информационную эпоху, подчеркивающий первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики, основанный на применении «мягкой силы».

Из этого следует, что в XXI в. американская «мягкая сила» становится своего рода «оружием массового поражения», которое, в отличие, к примеру, от атомной бомбы, применяется постоянно, без временных и пространственных ограничений. В результате складывается имперская система координат, в которой только Белый дом может без ограничений руководствоваться собственными национальными интересами, в то время как остальные правительства должны исходить из интересов эфемерного по своей сути «мирового сообщества». Парадокс состоит в том, что с одной стороны, «мягкая сила» – косвенная форма реализации «национального интереса», а с другой – «Троянский конь», разрушающий классическое национальное государство, его духовную основу, культурное ядро, и предлагающий взамен транснациональную культуру потребления, стандартизирующую традиционные общества по подобию США.

В сравнении с традиционным «реализмом», ставящим во главу угла государства, ноополитика заменяет их сетью государств, государственных и негосударственных организаций, управляемых через «мягкую силу». То есть, мы имеем дело с диаметрально противоположными пониманиями реальности: в то время как *«realpolitik»* противопоставляет одно государство другому, ноополитика поощряет межгосударственное сотрудничество в коалициях и других совместных структурах.

* Следует отметить, что до появления термина в научной литературе имелось множество других схожих по смыслу, но не тождественных понятий, таких как: культурный империализм, культурная дипломатия, публичная дипломатия, культурная политика, информационный экспансионизм.

Рассматривая «мягкую силу» как продукт постиндустриальной эпохи необходимо заключить: ТНК, будучи флагманами культурной экспансии, упраздняют государственные границы, превращая национальный интерес в рудимент истории. Мировая (западная) элита, продвигающая ценностную гомогенизацию планеты в интересах крупного промышленного и финансового капитала США и Европы, заявляет о своём намерении «создать инструменты для реализации принципов глобального суверенитета, основанного не только на финансовом капитале, но и на информационных технологиях, которыми будут пользоваться глобальный управляющий класс. В этой всеобъемлющей системе «мягкая сила» становится мостом, связывающим национальное самосознание с мыслью о мировом господстве не единственной сверхдержавы, но рынка, в условиях которого произойдёт «глобальная приватизация экономики, во всех сферах утвердится главенство мировых корпораций, а понятие «нация» превратится лишь в отзвук былых реалий»⁸³.

Во втором параграфе первой главы проведена операционализация основных понятий, т.к. исследование базируется на специфическом терминологическом фундаменте, учитывая особенности и расхождения в трактовке терминов представителями отечественных и зарубежных политологических школ. Понятийный «каркас» исследования строится на таких ключевых терминах, как т.н. «жесткая», «мягкая» и «умная» сила» (имея в виду условную классификацию сегментов американского внешнеполитического могущества); **культура и культурные продукты** как инструмент внешней политики США и компонент арсенала «мягкой силы» (интерес для исследования представляет не этнологическая или антропологическая концепция культуры, а социально-политический аспект); **«американская культура»**, разделяющаяся на две основные составляющие: т.н. **высокую и массовую культуру**; **«идеология»**; **«внешняя культурная политика»**; **«культурная дипломатия»**; **«публичная дипломатия»**; **«пропаганда»**; **«информационная война»**; **«информационно-психологическая война»**; **«культурная безопасность»**; **«информационная безопасность»**; **«сеть»** и **принцип сетецентрического управления**; **«мультикультурализм»**; **«культурные войны»** и т.д.

В третьем параграфе главы особое внимание уделено анализу истории формирования культурной политики внутри США (исходя из укоренившегося в научном сообществе представления о культурном компоненте как о стержне категории «мягкая сила»). Это позволяет выявить предпосылки и основу развития отдельных направлений внешней культурной стратегии государства в ретроспективе. Внутренние культурные предпосылки определяют содержание ценностей, транслируемых вовне.

В четвертом параграфе автор, мыслящий внешнюю культурную политику одним из магистральных направлений реализации американской

⁸³ *Аттали Ж.* Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий // Россия в глобальной политике. № 2, Март - Апрель 2007. http://www.globalaffairs.ru/number/n_8387.

политики «мягкой силы», анализирует историю формирования внешней культурной политики США как компонента их «мягкой силы».

Вторая глава посвящена исследованию эволюции основных официальных институтов и инструментов реализации «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале США. Под официальным механизмом подразумевается, прежде всего, государственное регулирование культурного, информационного, образовательного аспектов внешней политики (в т.ч. через структуры Госдепартамента США). Вместе с тем здесь имеется в виду и институт фондов как один из важнейших политико-экономических инструментов управления внутренней и внешней политикой США. Будучи негосударственным по форме, этот институт зачастую служит наиболее эффективным средством решения государственных задач (например, сфера культуры в США по большей части поддерживается и управляется именно этими негосударственными организациями).

Институционально официальное направление на протяжении второй половины XX века претерпевало существенные метаморфозы вследствие реформирования системы госуправления пропагандой и внешней культурной политикой. Сегодня основным правительственным институтом, уполномоченным проводить внешнюю культурную и образовательную политику США, остается Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента. Однако это не монополярная компетенция Госдепартамента, так как Агентство США по международному развитию принимает участие в администрировании программ для представителей развивающихся стран. При этом важно иметь в виду, что часть программ, как в период «холодной войны», так и в настоящее время находится в ведении ЦРУ.

Вместе с тем официальные каналы реализации публичной дипломатии на современном этапе гораздо менее сильные и эффективные, чем во времена «холодной войны». Упразднение ЮСИА в 1999 г. и передача его функций Государственному департаменту обозначила, по мнению американских экспертов, фактический конец «золотой эры» американской пропаганды, публичной дипломатии и ее составляющей – культурной дипломатии. Однако, несмотря на многочисленные реорганизации, органы управления публичной дипломатией, продолжают функционировать, являясь действенным средством обеспечения национальных интересов США и формирования мирового общественного мнения.

В первом параграфе второй главы анализируется работа официальных институтов США, обладающих полномочиями использования культурно-информационных инструментов, обеспечивающих решение внешнеполитических задач, рассматривается деятельность Бюро по делам образования и культуры Государственного департамента США.

Второй параграф посвящен истории Информационного агентства США (ЮСИА) как инструменту американской публичной дипломатии. Значимость ЮСИА для международной политики США, особенно в период «холодной войны», трудно переоценить. Поэтому, несмотря фактическую

ликвидацию ведомства в 1999 г., целесообразно подробно остановиться на анализе его работы как одного из наиболее эффективных каналов осуществления внешней культурной и информационно-пропагандистской политики американского правительства за всю историю существования этого государства. Согласно распространенному мнению, именно благодаря эффективной деятельности ЮСИА, СССР потерпел поражение в «холодной войне», прежде всего на идеологическом уровне, в сфере пропаганды и публичной дипломатии.

Созданное в 1953 г. ведомство выполняло задачу по координации усилий в сфере пропаганды всех американских правительственных учреждений. В задачи Агентства входило распространение за рубежом информации о США и информирование правительства страны о восприятии имиджа Соединенных Штатов мировым сообществом. Привлечение ЮСИА к непосредственному участию в процессе формирования внешнеполитического курса привело к координации пропагандистской деятельности с внешнеполитическими акциями, а также к разработке более гибких средств и методов информационного и психологического воздействия на другие страны.

ЮСИА осуществляло непосредственное руководство одним из ключевых компонентов внешней культурной и образовательной политики – правительственными программами по обмену в области образования и культуры.

Несмотря на многочисленные реорганизации, органы управления внешнеполитической пропагандой США, а вместе с тем и публичной дипломатией, внешней культурной политикой и культурной дипломатией, продолжают функционировать, являясь действенным механизмом реализации американского внешнеполитического курса.

В третьем параграфе анализируется деятельность филантропических фондов в США как официального канала реализации внешней культурно-информационной политики и одного из важнейших политико-экономических рычагов управления, в том числе глобальными процессами.

Институт филантропических фондов – финансовый фундамент «мягкой силы» США, обеспечивающий основные материальные ресурсы для проведения внешней культурно-информационной политики. Кроме того, фонды стали одним из важнейших политико-экономических рычагов работы глобальной элиты на территории США. Это «возникшая в начале XX века сеть специально созданных учреждений, в которой сконцентрированы миллиардные средства, до определенной степени освобожденные от выполнения чисто экономических функций и основное направление деятельности которой нацелено на оказание как политического, так и экономического воздействия».⁸⁴

⁸⁴ Шолудько А.Н., Архангельский А.В. США: экономика, наука и культура во внешней политике, М.: «Уникум-Центр», 2000, с. 38

Выделяются три главных направления, по которым действуют основные американские филантропические фонды: разработка целей и направлений внешнеполитического курса США на современном историческом этапе, а также стратегии и тактики для их достижения в будущем; идеологическое обоснование и социально-экономическое оправдание поставленных задач, а также их пропаганда в качестве целей, отвечающих интересам американского народа; подготовка, отбор и расстановка собственных и зарубежных кадров для практического осуществления глобальной политики США. Фонды стали базой разветвленной сети научно-образовательных учреждений и исследовательских центров (особенно в сфере изучения международных отношений), совместно финансируемых, управляемых и определяющих условия и соответствующие рамки для определения долгосрочного внешнеполитического курса США на мировой арене. Через эти организации элиты получили возможность формировать идеи и обеспечивать свою социальную гегемонию посредством производства и контроля над знаниями. Но главное – фонды явились локомотивами продвижения идеологии «глобализма».

Третья глава посвящена исследованию неофициальных механизмов реализации внешней культурно-информационной политики США. Наиболее значимые средства её реализации – голливудский кинематограф, СМИ, прежде всего телевидение, музыкальная индустрия, молодежные субкультуры, «питающие» массовую культуру. Зачастую незаслуженно игнорируемое воздействие на уровне массовой культуры гораздо более эффективно, нежели рычаги официального политического или экономического влияния. Именно поп-культура создала привлекательный образ Америки в мире, обеспечив дополнительные возможности реализации как политико-экономических интересов государства, так и интересов американского бизнеса.

В первом параграфе третьей главы рассматриваются сетевые структуры глобального управления при помощи методов «мягкой силы». Внимание акцентируется на ключевом элементе истории оформления американской государственности и стержне политической системы США – масонстве. Этот феномен представляет собой крайне важный неотъемлемый политический, социокультурный и экономический атрибут истории Соединённых Штатов, своего рода стержень американской государственности, правящей элиты и, соответственно, конфигурации современной политико-экономической системы США. Отмечая этот элемент американской политической действительности как один из базовых, целесообразно рассматривать его в привязке к процессу разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, в том числе касающихся прямого или косвенного использования инструментов «мягкой силы». Более того, упомянутый феномен является стержнем формировавшегося всю вторую половину XX в. западного механизма.

глобального управления со штаб-квартирой в США, неформальные структуры которого, как показала история, проявляли наибольший интерес к разработке технологий непрямого управления.

Политические элиты государств, имеющих планетарные притязания на лидерство, всегда стремились создать универсальную модель управления, которая бы упорядочивала их властную структуру и сделала её эффективной. Причём какие бы формы модель ни принимала, она всегда носила толпоэлитарный характер. Так, американско-европейский капитал, представленный семьями Ротшильдов, Морганов, Рокфеллеров, Варбургов и др. поставил своей целью «создать мировую систему финансового контроля, сосредоточенную в частных руках и способной влиять на политическую систему каждой страны и экономику мира в целом»⁸⁵. Предполагалось, что эта система «будет совершенно феодально управляться центральными банками мира, действующими в соответствии с тайными соглашениями, заключёнными на часто проводимых личных встречах и совещаниях»⁸⁶.

В конце XX – начале XXI вв. на арену истории вышел новый субъект – т.н. **глобальный управляющий класс**, представленный группами влияния в составе руководителей крупных транснациональных корпораций, бывших и нынешних глав государств и членов правительств, руководства силовых структур, авторитетных представителей экспертного сообщества, а также сферы культуры – продуцирующих образы, формирующие благоприятный масскультурный климат – площадку для эффективной реализации мировой элитой глобальных политических, финансово-экономических и военных задач.

По результатам исследования внешней политики США в представленном контексте целесообразно констатировать, что основные современные **глобальные акторы** – не государства, а **устойчивые сетевые структуры** (одно из главных исключений – КНР). С точки зрения анализа ключевых решений, принимавшихся Соединёнными Штатами во второй половине XX в., продиктованных, прежде всего, финансовыми и экономическими (сырьевыми) устремлениями англо-американского капитала, имеются основания рассматривать США не как государство, а в качестве кластера – зоны деятельности ТНК и финансово-информационных структур.

Мы становимся свидетелями перехода от управления в интересах государств-наций к управлению в интересах глобальных сетевых структур. В современных международных отношениях «мягкая сила» представляет собой не только пропаганду, она скорее уникальный исторический феномен, обладающий средствами убеждения на глобальном уровне.

Идеологическую базу для этого политического поведения составил неоллиберализм, проповедующий принцип свободной торговли, открывающий национальные границы для сбыта товаров и услуг

⁸⁵ Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. - N. Y.: Macmillan, 1966. P. 324.

⁸⁶ там же

современных корпораций. Это обстоятельство стимулирует развитие принципиально новых форм тайной внешней политики, существенно отличающихся от тайной политики прошлого. Корпоратократия в отличие от государственно-монополитической буржуазии одновременно приобретает наднациональное и инфра-национальное измерения, что неизбежно порождает антагонизм и противоборство между национальной бюрократией государств и глобальным управляющим классом.

Основные институты и «опорные пункты» западного механизма глобального управления – Совет по международным отношениям (США) и Королевский институт международных дел (Великобритания), сыгравшие значительную роль в осмыслении развития и трансатлантических связей. В деятельности СМО можно проследить ступени развития доктрины глобализма. Уже в 1960-1970-е годы пробиваются на поверхность всходы целенаправленной работы в течение всего XX в. по консолидации и созданию наднациональных механизмов контроля над общемировым развитием, Первыми продуктами «конструкторской» работы стали международные политические и финансовые учреждения – Лига Наций (1919-1920 гг.) и Банк международных расчётов (1930 г.)

Поддержка в реализации инициатив глобального строительства осуществлялась Тавистокским институтом человеческих отношений, Стэнфордским исследовательским институтом (в частности, Стэнфордским центром передовых исследований в области бихевиоральных наук), Институтом социальных отношений, а также самым широким спектром исследовательских организаций, «фабрик мысли», фондов, и НПО, специализирующихся на социальной инженерии и прикладной социальной психиатрии.

Помимо создания ООН, призванной после Второй мировой войны осуществлять политическое и экономическое регулирование планетарными процессами, в августе 1948 г. был создан **Всемирный совет церквей** – результат длительной работы по консолидации международного экуменического движения, во главе которого стояли Рокфеллеры.

Бильдербергский клуб – один из наиболее известных закрытых форматов предметного общения мировой элиты. В ряду самых известных политико-экономических проектов этой группы – объединение Европы, реанимация её роли в международных делах и последовавшее поэтапное формирование Евросоюза. Среди наиболее значимых проектов «Бильдерберга» в сфере производства продуктов «мягкой силы» – вышеупомянутый Тавистокский институт и его детища.

Созданный в 1946 г. при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера и превратившийся в крупнейшего производителя технологий в области социальной инженерии, группового и организационного поведения, институт получил всеобщее признание благодаря проектам культурно-информационного моделирования и формирования общества, прежде всего посредством воздействия на молодежную среду (через использование СМИ,

преимущественно телевидения, как информационного оружия). По распространенной версии⁸⁷, такими методами создавались масскультурные идолы (самый известный проект – «Битлз», в создании которого принял участие неомарксист из Франкфуртской школы Т.Адорно), искусственно рождались новые субкультуры, фабриковалась ментальная среда новых поколений. Таким образом, социальная инженерия – одно из наиболее успешных направлений аппликации американской «мягкой силы».

Основав в 1968 г., на базе СМО еще один неформальный институт глобального управления – Римский клуб, Д. Рокфеллер на заседании Бильдербергского клуба в 1972 г. предлагает интегрировать Японию в существующую систему международных отношений путём создания **Трёхсторонней комиссии** (образована в 1973 г.). Будучи частной организацией, комиссия заложила основы новой глобальной стратегии – паутины взаимных связей представителей международных элит (многие из которых являлись деловыми партнерами Рокфеллеров), чей объединенный финансовый, экономический и политический вес был беспрецедентным. Трёхсторонняя группа заложила фундамент того, что к 1990–м годам получило название «глобализация»⁸⁸. В 2011 г. комиссия отдельно обсудила проблемы адаптации трёх макрорегионов к глобальным изменениям в области «мягкой силы»*.

Аспекты политики «мягкой силы» проявляются в контексте американского моделирования системы глобального управления в такой же мере, как они свойственны внешней политике США. В процессе взаимодействия наднациональных элит для реализации текущих задач глобальной повестки дня используется весь арсенал инструментов: военно-политических, финансово-экономических, дипломатических. Однако, как показывает история формирования могущественного транснационального капитала с центром в США, определяющего тональность международной повестки дня, перечисленные факторы во многом основываются на культурном, информационном и научно-образовательном лидерстве США в международных отношениях. Для американского сегмента транснациональной элиты «мягкая сила» США предстаёт действенным орудием трансляции своего влияния на внешний мир, что, помимо властных

⁸⁷ См. *Engdahl W.F. Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO. Centre for Research on Globalization Publishing, 2007. P. 36.; Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. - М.: Поппури, 2009. С. 19.;*

· У.Ф.Энгдаль выделяет заслуги сотрудника тавистокской «фабрики мысли» доктора психологии Ф.Эмери, предложившего использовать СМИ в качестве инструмента для дестабилизации национальных государств. В своих исследованиях Ф.Эмери обратил внимание на удивительное поведение толпы во время рок-концертов. Эмери был убежден, что таким поведением можно манипулировать в целях национальной обороны, и написал об этом работу под названием «Следующие 30 лет: принципы, методы, ожидания».

⁸⁸ *Engdahl W.F. Seeds of Destruction. The Hidden Agenda of GMO. Centre for Research on Globalization Publishing, 2007. P. 36.*

*. Основные докладчики: Дж. Най, профессор Гарвардского университета, председатель группы Северной Америки; Д. Рубинштейн, председатель «Carlyle Group»; Х. Солана, бывший Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности; Ян Жимиан, президент Шанхайского института международных исследований.

дивидендов, приносит и значительную прибыль, поскольку культура, (особенно масскультура) в XX веке стала дорогостоящим товаром.

Во втором параграфе третьей главы анализируются финансово-экономические факторы «мягкой силы» внешней политики США и глобального управления. Комплексное понимание американской «мягкой силы» невозможно без фундаментальной оценки её экономического базиса, движущих сил заокеанской экспансии США – транснациональных банков и промышленных конгломератов. Многочисленные исторические события подтверждают, что манипуляция с помощью финансовых и экономических инструментов невозможна без информационного, в более широком смысле – культурного сопровождения. Так, к примеру, растущие «мыльные пузыри» на рынках недвижимости или в других сегментах экономики, используемые (после их коллапса) транснациональными банками для кризисного управления американской и как следствие мировой экономикой, образуются с помощью массированного воздействия СМИ, как внутри Америки, так и за её рубежами.

Кроме того, «мягкие» инструменты оказывают внешнее коммуникационное влияние для амортизации негативного международного резонанса, вызванного чередой экономических кризисов, возникших на территории США. Именно здесь термин «неофициальная культурная политика» приобретает новое звучание и актуальность как один из наиболее эффективных ресурсов американской «мягкой силы».

Путь к политическому могуществу глобальной корпоратократии на протяжении второй половины XIX-XX вв. с «портом приписки» в США прокладывался сквозь череду управляемых экономических кризисов и валютно-кредитных манипуляций (с помощью инфляции), способствующих монополизации мирового хозяйства и постепенному демонтажу регулирующей роли национальных государств в экономике и других сферах общественных отношений. Инструмент – печатание бумажных денег во всё более возрастающих количествах. Бумажные деньги, распространившиеся повсеместно с созданием Федеральной резервной системы США (уникальной фактически частной организацией, управляющей национальной и мировой экономикой), превращают инфляцию, вызванную «увеличением денежной массы, находящейся в обращении»⁸⁹, в действенное орудие международной политики.

Устойчивость долларо-центричного мира основывается на политике бреттон-вудских институтов глобального управления – МВФ и Всемирного банка, направляющих масштабные валютные потоки в тот или иной регион, провоцируя рост внешней задолженности государств, что, в конечном счёте, вынуждает их проводить проамериканскую внешнюю политику в ущерб собственным национальным интересам (под влиянием МВФ и МБРР страны

⁸⁹ Терк Д., Рубино Д. Крах доллара и как извлечь из него выгоду/ Пер. с англ. И. Соколова. – М.: АСТ, 2006. С. 89.

Латинской Америки увеличили внешние заимствования в четыре раза – с 75 до 315 млрд. долл. за период с 1975 по 1982 г.).

Ввиду того, что дешевый доллар становится тяжким бременем для развивающихся стран, государственные перевороты в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии – упреждающий удар Соединённых Штатов по элитам Ближнего Востока и Северной Африки, направленный на продление гегемонии американской валюты (именно мусульманские страны, экспортирующие энергоресурсы, концентрируют у себя преобладающее количество долларов). Наполняя долларами арабские государства, Америка усиливает тем самым инфляционную нагрузку на эти экономики, провоцируя значительные политические трудности.

В третьем параграфе третьей главы в свете эволюции методов и средств в американском арсенале «мягкой силы» анализируются **инновационные механизмы** непрямого политтехнологического управления как компонента «мягкой силы» США. Эти технологии содействуют возможности организовать и провести государственный переворот в какой-либо стране дистанционно, посредством передачи информации через социальные сети и интернет-блоги. Формируя посредством этих каналов либерально-демократическую культурную среду, американские социальные сети и СМИ открывают путь к смене неугодных режимов в невиданных ранее масштабах.

По сути изменяется не только методика государственного переворота, но и модель глобального управления, приобретающая косвенный, более гибкий и согласованный с другими участниками международного общения характер. Возросшая роль информации в жизни современного человека, разгоняющей маховик исторического процесса, форсирует создание глобального сетевого общества, оторванного от традиций и национальных культур. Речь идёт о новом инструменте социальной инженерии, создающем неведомые ранее модели принятия решений.

Интернет, будучи планетарной информационной магистралью, представляет собой уже не только канал для торговли и развлечений: «он оказывает решающее влияние на современные конфликты, не только в области шпионажа и военных действий, но и в определении того, какая информация доходит до людей по всему миру»⁹⁰. Острие этой информационной политики – социальные сети «Facebook» и «Twitter», а также ресурсы типа «WikiLeaks», транслирующие американскую «мягкую силу», становятся инструментами революционной борьбы и государственных переворотов в интересующих США странах. Могущество сетевых ресурсов

⁹⁰ *Markoff J.* Cyberwar. With New Software, Iranians And Others Outwit Net Censors // The New York Times. <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9C00EFDC1338F932A35756C0A96F9C8B63&ref=cyberwar>.

Ещё в середине XX в. Ф.Эмери разработал концепцию, в рамках которой социальные сети (хотя тогда они существовали только в умах теоретиков) могут эффективно участвовать в смене политических режимов. Впервые идеи Эмери были «опробованы оперативниками разведки США и НАТО при успешной дестабилизации Франции Ш. де Голля во время студенческих протестов в мае 1968 года». *Engdahl F.* A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. - London: Pluto, 2004. P. 274.

подкрепляется их союзами с крупнейшими СМИ Европы и США, тиражирующими антиправительственные материалы.

Применительно к внешнеполитическим информационным операциям социальные сети синхронизируют массовые антиправительственные выступления, основанные на принципах **ненасильственного сопротивления** – еще одном методе «мягкой силы» США, который успешно использовался для смены власти в Сербии в 2000 г. («бульдозерная революция»), в Грузии («революция роз» 2003 г.), на Украине («оранжевая революция» 2004 г.) в Ливане («кедровая революция» 2005 г., приведшая к выводу сирийских войск из страны) и в Киргизии в 2005 г., («тюльпановая революция», повторно проведенная в 2010 г. для смещения К. Бакиева), Тунисе (январь 2011 г.) и Египте (февраль 2011). Ненасильственным сопротивлением также были охвачены Алжир (2010-2011), Йемен (2011), Сирия, Бахрейн, Иордания и Ливия. Это иллюстрирует поэтапное решение задачи Соединённых Штатов: перестроить Большой Ближний Восток, предоставив проамериканским элитам новую легитимность, необходимую в условиях ослабления глобальных позиций доллара.

В четвертом параграфе этой главы рассматривается Голливудский кинематограф как один из важных и эффективно действующих инструментов неофициальной внешней культурной политики США. Это главный культурный продукт, идеологическое орудие, один из символов современной Америки, средство формирования имиджа этого государства на мировой арене и основной элемент в системе обеспечения глобального культурного присутствия США. Как «самый могущественный промоутер и экспортер визуальных символов»⁹² США голливудский кинематограф оказывает серьезное влияние на формирование и реализацию внутренней и внешней культурной политики и жизнь американского общества в целом. Голливудские фильмы занимают до 50% демонстрационного времени в странах мира.⁹³ Американское кино оказалось одним из наиболее эффективных орудий в арсенале Америки, при помощи которого в существенной степени американцы сумели одержать верх в «холодной войне».

Пятый параграф посвящен анализу роли таких масскультурных компонентов, как музыкальная индустрия и молодежные субкультуры в обеспечении глобального культурного доминирования США.

Музыка, шоу-бизнес и субкультуры, «питающие» массовую коммерческую культуру – одни из основных наиболее прибыльных статей американского культурного экспорта, а также эффективный инструмент распространения общемирового культурного влияния США, а значит и

⁹² Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике, Новосибирск/Москва, Фонд социологических исследований «Тренды», 2006, - С. 81.

⁹³ Ширяев Б.А. Внешняя политика США, Издательство С.-Петербургского университета, 2007, - С. 253.

американской силы в целом, в чем, по сути, состоит задача внешней культурной политики США.

В шестом параграфе третьей главы автор приходит к выводу о том, что существовавшие в истории концепции формирования мультикультурного общества и американской идентичности правомерно именовать предтечами политтехнологий непрямого управления региональными и глобальными процессами с использованием методики «мягкой силы». Это важно понимать, т.к. внутренние социокультурные реалии Соединенных Штатов во многом определяли и продолжают влиять на содержание культурных ценностей и культурной продукции США, а соответственно и «начинку» экспорта американской массовой культуры.

Для понимания аргументов сторонников искусственного конструирования мультикультурного социума как продукта политических решений, полезным для результатов исследования явилась апелляция к феномену «культурных войн». Последние десятилетия XX века в США были отмечены очередным всплеском «культурных войн», в центре которых стояли такие понятия как национальный канон и традиция, проблема соотношения единства/разнообразия/различия в американской культуре, «революция идентичностей», наконец, мультикультура, или культурная многосоставность, что легли в основу понятия «общества и культуры разнообразия» — социокультурного комплекса, посредством которого Америка представляет себя в последние десятилетия, то есть модели, в очередной раз, выводящей на первый план центробежные и гетерогенные тенденции в развитии национальной культуры⁹⁴.

Существовавшие в США (так называемый «плавильный котел», «томатный суп», «салат») и Европе (мультикультурализм) концепции построения мультикультурного социума можно считать моделями социокультурной парадигмы глобализации. Будучи продуктом теоретиков неомарксизма из Франкфуртской школы, произведенным «под заказ» атлантических элит и спущенным к массам решением «сверху», мультикультурализм стал «другой крайностью фашизма». Однако если для США и Канады высокие иммигрантские потоки – историческая форма существования, то для европейских стран – неминуемый крах национального государства, вызванный постепенным размыванием численности государствообразующих народов. 2011 г. красноречиво ознаменовал крах политики мультикультурализма в Европе, признанный на официальном уровне, что связано с чрезмерной ослабленностью Старого света, утратившего потенциал экономической и социокультурной сопротивляемости собственноручно взращенной проблеме – результату целенаправленного поощрения иммиграционных потоков.

Как для европейского, так и для американского общества приоритетом становится диаспоральность и этничность, нежели наднациональные

⁹⁴ Глостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. <http://www.disserscat.com/content/problema-multikulturalizma-i-literatura-ssha-kontsa-xx-veka>.

мировоззренческие категории и политические установки. Стремление к сохранению уникальных традиций, социокультурных и этноконфессиональных особенностей народов, а также государственного суверенитета рождается как естественная реакция социума на многоуровневую унификацию, искусственное «размывание» границ и замену государственно (национально) ориентированной модели социально-экономического развития на суррогатную идеологию универсализма.

Таким образом, на основании информации, изложенной в диссертации, есть причина рассматривать динамику происходящих в Европе и Северной Америке социокультурных процессов не в последнюю очередь как результат политических решений по привлечению дешёвой рабочей силы и «освежения крови» экономического организма государств за счет миграционных потоков с одной стороны, а с другой – как продукт политических проектов – социальных экспериментов по искусственному формированию мультикультурной общности народов с идеологической наднациональной доминантой. Со временем упадок государствообразующих народов, ставший возможным благодаря аппликации идеологии мультикультурализма, будет форсировать децентрализацию государств.

В четвертой главе анализируются место и роль «мягкой силы» во внешней политике СССР и России, проводится сравнительный анализ использования инструментов «мягкой силы» СССР/Россией и США. Автор поднимает проблему необходимости разработки стратегии национальной культурной безопасности России, предлагая свое видение её концептуальных основ, призванных обеспечить условия для формирования отечественных потенциалов «мягкой силы» на основе имеющегося исторического опыта.

В заключении представлены основные выводы исследования, обобщены его важнейшие результаты, выделены актуальные аспекты поставленной проблемы, требующие дальнейшего изучения. Междисциплинарная эмпирическая и теоретическая основа работы оставляют пространство для дискуссии и анализа современного механизма реализации внешней политики США в гуманитарной сфере, особенно в плане культурно-информационных инструментов обеспечения глобального лидерства США.

1. Внешняя политика США второй половины XX века – первого десятилетия XXI столетия иллюстрирует эволюцию подходов американского руководства в сторону заметного возрастания роли невоенных факторов силы в арсенале внешнеполитических инструментов. Несмотря на приоритет военной силы в качестве основного аргумента США в решении вопросов глобальной повестки дня, к середине XX века для американских стратегов стала очевидной невозможность эффективного воздействия на систему международных отношений и достижения долгосрочных политических и экономических результатов без формирования благоприятного культурно-информационного пространства.

2. Решение поставленных перед исследователем задач выражается в результатах анализа истории внешней культурной политики США, которые убедительно подтверждают, что культурный фактор – ключевой аспект содержательной категории «мягкая сила», включающей систему компонентов, главные из которых были изучены в ходе проведенной работы. При этом целесообразно именовать упомянутый аспект внешнеполитического влияния США культурно-информационным направлением внешней политики, имея в виду комплексное сочетание культурных инструментов с информационно-пропагандистскими, образовательными, политтехнологическими и другими опциями в арсенале средств непрямого управления глобальными процессами из Вашингтона и обеспечения Соединенными Штатами своих национальных интересов в их специфическом доктринальном понимании.

Таким образом, «мягкая сила» США – это комплексное символическое наименование системы методов и средств, базирующейся на эффективной имиджевой стратегии производства привлекательных образов посредством реализации государством публичной и культурной дипломатии, внешней культурной, образовательной, информационной политики, пропаганды, политических технологий во всемирном масштабе посредством СМИ (прежде всего, их инновационных компонентов). Этот механизм реализуется через официальные и неофициальные каналы, формируя позитивный имидж страны, а также выверенный в нужном истеблишменту ключе алгоритм восприятия информации как гражданами США, так иностранной аудиторией путем согласованных действий госаппарата и корпоратократии, конструирующих «матричное» информационное пространство.

3. История формирования потенциалов «мягкой силы» США в 1945-2012 гг. показывает, что отношение американского политического истеблишмента к культуре как инструменту внешнеполитического влияния и компонента «мягкой силы» не было однозначным и зависело от внешних факторов, исторических обстоятельств, ценностно-политических установок властвующих элит. За рассмотренный период нередко значимость этого фактора игнорировалась американским руководством, что приводило к существенному «урезанию» финансирования культурных и образовательных программ (наиболее современный пример – политика администрации Дж. Буша-мл).

Вместе с тем «мягкая сила», применяемая и в качестве тактического оружия, также использует привлекательность не только культуры, но и демократии, свободного рынка, прав человека, индивидуальных возможностей с целью укрепления лидерства Вашингтона в культурно-коммуникационной сфере. Совокупность всех информационных возможностей, подкрепляющих геостратегическое преимущество Соединенных Штатов, создаёт «информационный зонтик», с помощью которого американцы в одностороннем порядке определяют позицию

союзников по ключевым вопросам международной повестки дня. То есть «мягкая сила» представляет собой в том числе информационный инструментарий, призывающей к политическому действию государства, входящие в зону национальных интересов США. Смысл силы как таковой («жесткой» или «мягкой») определяется возможностью добиться от других поставленной цели. Сама же эта возможность всецело зависит от наличия у конкретного режима ресурсов для осуществления власти, умения их применять и условий для их эффективной реализации.

4. Начало активного вовлечения государства в реализацию и финансирование внешней культурной политики США диктовалось необходимостью противостояния внешним угрозам – пропагандистской деятельности нацистской Германии в Латинской Америке (в 1938 г. был создан Отдел культурных связей в структуре госдепартамента США). Однако только после завершения Второй мировой войны в американских политических кругах созрело решение о целенаправленном использовании фактора культуры в качестве действенного орудия контрпропаганды. Обусловлено это было главным внешним фактором: долгое время – вплоть до эры Горбачева – Советский Союз фактически повсеместно лидировал в информационно-пропагандистском обеспечении своей внешней политики, ведя активную работу в странах социалистического лагеря.

5. Необходимо констатировать, что идеологический аспект был и остается неотъемлемой составляющей внешней политики США. Потребность Белого дома в арсенале для ведения идеологических баталий во времена «холодной войны» дала мощный импульс развитию и укреплению информационно-пропагандистского и культурного фактора во внешней политике. Правительство США сделало культурно-идеологическую пропаганду за рубежом эффективным направлением государственной политики. Весь комплекс регулярно обновлявшихся политических и информационных установок и концепций приходивших к власти группировок активно внедрялся в практику внешнеполитической деятельности. Регулярно происходили пересмотр и корректировка задач и целей внешней политики, давалась обновленная трактовка альтернатив внешнеполитического курса.

В соответствии с данными американских экспертов процесс формирования публичной дипломатии США как особой формы внешнеполитической деятельности завершился в 1980-е гг.

6. Крах СССР наглядно продемонстрировал значение «мягкой силы», которая за сравнительно короткий промежуток времени внесла смятение в социалистический лагерь. Руководство СССР оставило без внимания антисоветскую пропаганду в странах Варшавского договора. Крушение берлинской стены, успех польской «Солидарности», падение режима Н. Чаушеску, победа В. Гавела, распад Югославии – все эти события происходили под аккомпанемент «культурного оркестра» из Вашингтона. С приходом к власти в СССР М. Горбачёва руководство ЦК КПСС предают

забвению культурную и информационную безопасность народов Советского Союза, разрывая идейно-политические связи между союзными республиками.

Демонтаж системы социализма позволил Белому дому активизировать свою деятельность по разрушению «русского мира» в странах СНГ, выраженную во многом в упрочении позиций английского языка и усилении антироссийской пропаганды. Массовая культура преимущественно заокеанского происхождения заполнила культурное поле России. Например, среди проводившихся корпорацией РЭНД изысканий встречаются по подготовленным заказу Пентагона доклады с такими названиями, как «Воздействии на коммунистов при помощи музыки».

7. Наряду с культурными аспектами вторым ключевым сегментом «мягкой силы» является информационная политика. Со второй половины XX в. базовой теорией, связывающей национальные интересы США с не существовавшей тогда в политическом лексиконе категорией «мягкая сила», становится доктрина свободной информации, открывавшая официальный «коридор» для ведения информационных войн с целью доступа в интересующие регионы мира.

На сегодняшний день информационная политика стран Запада в целом соответствует методологии неомарксиста А.Грамши. Его теоретические наработки (наряду с методиками Дж.Шарпа) используются для проведения глобальных пропагандистских кампаний, государственных переворотов, именуемых «цветными» или «бархатными» революциями, стимулирования межнациональных столкновений, продвижения ценностей и принципов глобализации.

СМИ – основной инструмент трансляции «молекулярной агрессии» (выражаясь терминологией Грамши) культурной и информационной продукции США в культурные ядра суверенных государств, осуществления внешней культурной политики на официальном и неофициальном уровнях и, соответственно, обеспечения глобального культурного доминирования США.

8. В образовательной сфере международная деятельность США получила масштабное развитие ещё перед началом Второй мировой войны, а с 1960-х годов американские программы образовательных и культурных обменов превращаются в институционализированные, проводимые на регулярной основе цикличные мероприятия с возобновляемым бюджетом, регламентированным содержанием и строго очерченной целевой аудиторией.

Со вступления в силу в 1961 г. закона «Фулбрайта-Хэйса», программы обучения иностранных студентов в университетах США становятся самостоятельным официальным направлением внешней политики США. Рассматривая культурную дипломатию как «область дипломатии, связанную с созданием, развитием и поддержанием отношений с иностранными государствами посредством культуры, искусства и образования», международные образовательные обмены предстают ключевым фактором

«внешней проекции системы ценностей на двустороннем и многостороннем уровнях»⁹⁵.

Американские образовательные учреждения и образовательные обмены, в частности, превратились, выражаясь терминологией Зб. Бжезинского, в «социальную лабораторию мира»⁹⁶. Благодаря своему планетарному охвату, образовательная политика Соединённых Штатов превратилась в действенный компонент «мягкой силы», позволяющий формировать мировую политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, верную догмам либеральной демократии и рыночной экономики по-американски. Примерами служат получившие в разное время образование в США: президент Египта А. Садат, премьер-министры Великобритании М. Тетчер и Э. Блэр, канцлеры ФРГ Г. Шмидт и Г. Шрёдер, президент Афганистана Х. Карзай и другие⁹⁷. «Эта деятельность, преследовала долгосрочные стратегические цели – повлиять на процессы создания интеллигенции в молодых государствах». При этом особое внимание США привлекали и привлекают те, кто может войти в состав национальных бюрократических и технократических групп⁹⁸.

9. На протяжении почти всего периода «холодной войны» Советский Союз лидировал в информационно-пропагандистском обеспечении своей внешней политики, опережая США по производству продуктов «мягкой силы». СССР отбирал граждан для обучения из 141 государства, а представители 101 страны активно участвовали в его образовательных программах.

Одним из главных различий между образовательными мерами Советского Союза и Соединённых Штатов являлось то, что в СССР не существовало систематической ежегодной подготовки планов по модификации программ обучения для каждой отдельно взятой страны. Принятая однажды установка по рекрутированию в программы определенной целевой аудитории не менялась. Если США отслеживали каждый шаг в образовательной политике своего оппонента, то в СССР такой анализ осуществлялся крайне редко. Удалось найти только один подобный анализ, датированный 1962 г.⁹⁹. Более того, оценка эффективности также

⁹⁵ Concise Review of the Basics of Cultural Diplomacy

<http://textus.diplomacy.edu/textusBin/BViewers/oview/culturaldiplomacy/oview.asp> (дата обращения: 01.06.2013)

⁹⁶ Brzezinski Z. America in a Hostile World. – Foreign Policy, 1976. N. 23. P. 92.

⁹⁷ Report of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy / The Linchpin of Public Diplomacy. U.S. Department of State, 2005. P. 10.

⁹⁸ Шейдина И. Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. - М.: Наука, 1984. С. 284.

⁹⁹ Самый яркий и в своем роде уникальный инструмент образовательной политики СССР – Российский университет дружбы народов (в ту пору – УДН им П. Лумумба), учреждённый 5 февраля 1960 г. решением советского правительства. Будучи одним из приоритетных государственных проектов с целью образования «подконтрольных» политических элит в зонах влияния СССР на планете, университет явил собой первый и, к сожалению, единственный пример широкомасштабной государственной поддержки такого источника формирования «мягкой силы» страны. Несмотря на то, что вуз создавался как политический проект в известной международной обстановке и соответствующей идеологической атмосфере, нет оснований отрицать эффективность этого инструмента, не раз подтвердившего свою состоятельность в деле «конструирования» истеблишментов стран Азии, Африки и Латинской Америки.

⁹⁹ РГАНИ, ф. 5, о. 35, д. 228. Л. н/у.

велась советскими ведомствами не систематично. Имелись отделы в Министерстве образования, которые занимались поддержанием связей с выпускниками, но постоянного контроля за деятельностью выпускников программ, как это делали американцы, не проводилось.

Администрация США сделала ставку на масштабное финансирование и техническое оснащение, приведшее к тому, что США и сегодня лидируют по количеству привлечённых иностранных студентов, «обучая ежегодно порядка 450 тыс. человек»¹⁰⁰.

С конца 1980-х годов внимание внешнеполитических стратегов США сфокусировалось на странах Ближнего Востока и Восточной Европы, что объясняется геополитической и геоэкономической логикой американского доминирования в Евразии. Посредством образовательных программ ставка делалась на создания и усилении оппозиционных движений. Судя «по количеству обученных студентов в период правления администрации Р. Рейгана и Дж. Буша, которое в 1985 г. было утроено, а в 1989 г. умножилось в четыре раза по сравнению с количеством студентов в США из Восточной Европы в 1975-1976 гг., задача Америки по усилению своего влияния в регионе была достигнута»¹⁰¹. В октябре 1992 г. появился «Акт в поддержку свободы», создавший масштабные программы обучения для российских граждан. Это событие можно считать логическим завершением американской международной образовательной политики периода «холодной войны».

10. Аспекты политики «мягкой силы» проявляются в контексте американского моделирования системы глобального управления в такой же мере, как они свойственны внешней политике США. В процессе взаимодействия наднациональных элит для реализации текущих задач глобальной повестки дня используется весь арсенал инструментов: военно-политических, финансово-экономических, дипломатических. Однако, как показывает история формирования могущественного транснационального капитала с центром в США, определяющего тональность международной повестки дня, перечисленные факторы во многом основываются на культурном, информационном и научно-образовательном лидерстве США в международных отношениях. Для американского сегмента транснациональной элиты «мягкая сила» США предстаёт действенным орудием трансляции своего влияния на внешний мир, что, помимо властных дивидендов, приносит и значительную прибыль, поскольку культура, (особенно масскультура) в XX веке стала дорогостоящим товаром.

Экспорт американской массовой культуры, превратившейся за вторую половину XX в. в широко потребляемую в мире продукцию, неразрывно связан с интересами информационной корпоратократии (владельцев медиа-холдингов, вещательных корпораций и финансово-

¹⁰⁰ Ширяев Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. - СПб. 2007. С. 254.

¹⁰¹ Digest of Educational Statistics 1977 // National Council of Educational Statistics

<http://nces.ed.gov/pubs/digest97/d97t410.html> (дата образования: 01.06.13). Цит. по: Цветкова Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 162.

промышленных конгломератов). Бизнес, заинтересованный в росте объемов продаж товара, стараясь чтобы он в полной мере соответствовал рыночной конъюнктуре и спросу, стремясь в конечном счете к получению прибыли, не просто принимает участие, но играет ключевую роль в распространении американских культурных ценностей, «контролируя» процесс и степень их восприятия в мире. Это, в свою очередь, вполне отвечает целям и задачам внешней политики США. Спрос на американскую культурную продукцию – результат внешней культурной экспансии США, изначально формируемый и программируемый, т.к. бизнес создает стабильный, успешно развивающийся рынок сбыта этого товара, обеспечивая тем самым устойчивость спроса, создавая комфортный климат для политико-экономического влияния.

11. Комплексное понимание американской «мягкой силы» невозможно без фундаментальной оценки её экономического базиса, движущих сил заокеанской экспансии США – транснациональных банков и корпораций. Многочисленные исторические события подтверждают, что манипуляция с помощью финансовых и экономических инструментов невозможна без информационного, в более широком смысле – культурного сопровождения. Так, к примеру, растущие «мыльные пузыри» на рынках недвижимости или в других сегментах экономики, используемые (после их коллапса) транснациональными банками для кризисного управления американской и как следствие мировой экономикой, образуются с помощью массивного воздействия СМИ, как внутри Америки, так и за её рубежами.

Кроме того, «мягкие» инструменты оказывают внешнее коммуникационное влияние для амортизации негативного международного резонанса, вызванного чередой экономических кризисов, сгенерированных на территории США. Именно здесь термин «неофициальная культурная политика» приобретает новое звучание и актуальность как один из наиболее эффективных ресурсов американской «мягкой силы».

12. Для полноценного лидерства в современном мире необходима монополия на средства убеждения, с её помощью можно получить широкий доступ, как в сырьевую кладовую планеты, так и захватить новые рынки сбыта. Администрация США, взявшая на себя задачу глобального лидерства, прекрасно осознаёт, что невозможно контролировать мировые процессы исключительно путём военной силы.

В XXI столетии «мягкая сила» Вашингтона будет испытывать сопротивление со стороны КНР. Основываясь на высокоинтеллектуальной методике манипуляции сознанием», США продолжат борьбу за стратегические коммуникационные пространства». Однако «в силу дальнейшего формирования многополярного мира, вызванного торгово-промышленным и политическим усилением Евросоюза и Китая, США будут вынуждены форсировать создание системы «информационного сдерживания» этих центров силы. Исходя из этого прогноза, в обозримом будущем военная и финансово-экономическая мощь (главным образом –

доллар) Вашингтона ещё больше станет зависеть от культурно-информационных факторов.

Согласно упомянутому в работе мнению Дж. Най, «тенденции в развитии международных отношений будут усиливать значение «мягкой силы» в общем властном балансе государств благодаря тому, что даже самые крупные и развитые государства больше не в состоянии решать собственные и международные проблемы исключительно военными средствами. Во-первых, это объясняется взаимным переплетением экономик (главным побудительным мотивом приложения американских усилий в этой сфере становится управление взаимозависимостью). Во-вторых, – резким «снижением роли военной доблести и славы в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ», придающим «фактору привлекательности той или иной страны гораздо большее значение, чем даже сокрушительное военное превосходство»¹⁰². Поэтому реализация одной из ключевых задач США – предотвращения доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав – неизбежно предполагает задействование «мягкой силы», способной оказывать не прямое влияние на потенциальных союзников и конкурентов Вашингтона.

Из этого следует, что национальные интересы России вновь потребуют эффективных усилий в сфере формирования оборонно-наступательных потенциалов «мягкой силы». Эффективная политика в области контроля за производством и распространением идей – дорогой продукт, требующий, помимо финансирования, ответов на фундаментальные внутренние вопросы политической, социально-экономической и культурной действительности нашей страны. В этой связи представляется необходимым подготовить и принять в качестве официального документа концепцию национальной культурной безопасности России, которая бы эффективно содействовала наращиванию потенциалов «мягкой силы» и восстановлению комплексного культурно-информационного преобладания Российской Федерации на постсоветском пространстве.

¹⁰² Най Дж. С., Оуэнс У. А. Главная сила Америки – её информационные возможности. <http://www.infousa.ru/information/giccom6.htm>.

III. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

I. Монографии:

1. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. – М.: РУДН, 2010. – 212 с. (8,5 п.л.)
2. Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: Монография. – М.: РУДН, 2012. – 408 с. (17,3 п.л.)

II. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

3. Филимонов Г.Ю. Неофициальная внешняя культурная политика как компонент «мягкой силы» США // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 4. – С.69-82. (0,9 п.л.)
4. Филимонов Г.Ю. Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2010 – № 3. – С. 61-74. (0,8 п.л.)
5. Филимонов Г.Ю. Истоки формирования культурной политики США // Вестник РУДН. Политология. – 2011 – № 2. – С. 79-91. (0,8 п.л.)
6. Филимонов Г.Ю. К вопросу об истории внешней культурной политики США // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2011 – № 4. – С. 89-98. (0,7 п.л.)
7. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник РУДН. Политология. – 2012 – № 1. – С. 67-82. (1,1 п.л.)
8. Филимонов Г.Ю. Концепция «культурного империализма» в американской политической мысли // Образование. Наука. Научные кадры. – 2012 – № 1. – С. 181-184. (0,8 п.л.)
9. Филимонов Г.Ю. Мультикультурализм США и Европы: политтехнологи в действии // Политика и общество. – 2012 – № 2. – С. 62-71. (0,9 п.л.)
10. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. США на страже безопасности ЕС: глобальное соуправление как необходимость // Образование. Наука. Научные кадры. – 2012 – № 2. – С. 200-207. (0,8 п.л.; личный вклад автора – 0,4 п.л.)
11. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. «Мягкая сила» как форма непрямой аппликации национального интереса // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2012 – № 2. – С. 21-30. (0,8 п.л.; личный вклад автора – 0,5 п.л.)

12. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество – 2012 – № 1. – С.65-75. (0,8 п.л.; личный вклад автора – 0,6 п.л.)
13. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. Финансово-экономический кризис как инструмент реализации геополитических интересов США // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2012 – № 3. – С. 14-22. (0,9 п.л.; личный вклад автора – 0,5 п.л.)
14. Филимонов Г.Ю. К вопросу об управлении глобальными процессами // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2013 – № 1. – С. 5-10. (0,5 п.л.)
15. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. – 2013. – № 9. – С. 7-16. (1,1 п.л.)
16. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. «Мягкая сила» внешней политики СССР // Образование. Наука. Научные кадры. – 2013. – № 4. – С. 262-267. (0,5 п.л.; личный вклад автора – 0,4 п.л.)

III. Прочие публикации

17. Филимонов Г.Ю. Адаптация различных боевых искусств планеты в США как форма междивизиационного диалога // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. Материалы конференции аспирантов кафедры всеобщей истории РУДН. – 2001. – С. 145-161. (1,2 п.л.)
18. Филимонов Г.Ю. Молодежные субкультуры как инструмент неофициальной внешней культурной политики США // Федерация. – № 17. – 2006. – С.50-58. (0,7 п.л.)
19. Filimonov G.Y. Russia's soft power potential // Russia in global affairs. – 2010 – № 4. (0,6 п.л.)

Подписано в печать 05.09.2013 г. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 3,25. Тираж 120 экз. Заказ 1210.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41